

НА РАНДЕВУ С ТЕНЬЮ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

На randevу с тенью

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121604

Степанова Т. На randevу с тенью: Эксмо; М.; 2003

ISBN 5-699-02579-0

Аннотация

Можно застрелить троих людей и сбросить их тела в подземный колодец, можно ударить человека ножом, а другого столкнуть с лестницы и свалить эти преступления на сумасшедшего маньяка. Можно придумать еще что-нибудь – ведь существует столько способов пустить сыщиков по ложному следу, например, подбросить им снимки с детской порнографией... Убийца, орудующий в подмосковном поселке, уверен в своей неуязвимости. Сотрудница пресс-центра ГУВД Катя Петровская и начальник «убойного отдела» Никита Колосов понимают, что вера в собственную неуязвимость однажды подведет убийцу... Надо только сделать так, чтобы это случилось как можно скорее...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	63
Глава 7	69
Глава 8	78
Глава 9	87
Глава 10	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Татьяна СТЕПАНОВА НА РАНДЕВУ С ТЕНЬЮ

Пролог ТРИ ЧАСА ПОПОЛУНОЧИ

Больше всего на свете Петухов не любил, когда его дежурства попадали на пятницу. А когда вызов поступал среди ночи, он вообще проклинал тот день и час, когда ему вздумалось поступить на шоферские курсы и наняться на работу водителем «Скорой», в районную больницу Спас-Испольска. Впрочем, это было давно, еще в молодости.

Это дежурство началось как обычно. Был четверг 13 июня. И день, несмотря на паршивую календарную цифру, выдался подозрительно спокойным – всего пять вызовов, в основном приступы стенокардии у граждан, плохо переносящих летнюю жару.

После полуночи начальник смены даже разрешил Петухову часика полтора покемарить. Укладываясь спать в кабине машины, Петухов привычно глянул на часы: стрелки бодренько близились к двум часам ночи. Несчастливое календарное число «13» миновало. Однако он не учел одного: за четвергом неизбежно наступала пятница. А этот день недели

Петухов ненавидел, считая самым коварным и непредсказуемым, от которого только и жди разных ЧП.

Именно в пятницу три года назад в больницу и поступил тот роковой вызов на железнодорожную станцию соседнего района, где загорелась цистерна с бензином. А потом шархнул взрыв, от которого в двух микрорайонах полопались стекла в домах, а приехавшие на место пожарные и сотрудники «Скорых» из окрестных больниц жестоко пострадали.

Петухов в ту пятницу как раз дежурил и выезжал на станцию. А после взрыва четыре месяца приходил в себя на больничной койке. Выкарабкался. Снова сел за баранку. Но по пятницам с тех пор дежурить зарекся.

Он не помнил, что ему снилось: его разбудили. Дежурный врач, медсестра и санитар Колька Свистунов, от которого за версту вечно несло чесноком (против заразы), уже садились в машину. Петухов зевнул, протер глаза и спросил:

– Куда на этот раз?

– В Александровку. – Врач тоже выглядел хмурым и усталым. – С женщиной вроде плохо.

Петухов завел мотор и снова по привычке глянул на часы: мама моя родная! Четверть четвертого. По идее, уже должна брезжить заря. А тут тучи натянуло.

Александровка была старой окраиной Спас-Ипольска. Ветхий частный сектор: домишки, вросшие в землю, скворечники-уборные на огородах, допотопные колонки с ржавыми кранами, заросли бузины, тощие козы, объедающие

лопухи в тени сломанных заборов. Захолустье. Поговаривали, что Александровке недолго уже жить. Весь частный сектор планировался под слом. Но пока это был город не город. И не деревня. И даже не подмосковная дача. Одним словом – Александровка.

Однако у продуктового магазина имелась старая как мир телефонная будка. И телефон, на удивление всем, работал как часы вот уже тридцать пять лет. Обитатели Александровки не страдали уличным вандализмом.

Темно было хоть глаз коли. Свет фар «Скорой» выхватывал из темноты несколько метров шоссе да придорожные кусты. В поселке все спали. Петухов даже сбросил газ, прикидывая в уме: кричали ли в Александровке первые петухи?

У телефонной будки возле магазина горел одинокий тусклый фонарь. И там «Скорую» уже встречали: старик в майке, армейских брюках и наброшенном ватнике и его жена – явно спешно поднятая с постели, в калошах, в каких в деревнях полют огороды, и байковом халате.

– У вас больная-то? Куда ехать, показывайте. – Врач высунулся из кабины.

– Не у нас. Соседи мы. Это у Мальцевых. Райка Мальцева через улицу от нас, напротив. Дед вон мой с постели на двор вышел, а потом меня разбудил. – Старуха в халате выглядела встревоженной. Тараторила как сорока. Сна у нее в этот глухой предрассветный час не было ни в одном глазу.

– В проулок заворачивайте, третий дом направо, – вкли-

нился старик. – Только я бабе своей говорил: зря она вас всколыхнула. Ни к чему вы там. Райке сам черт теперь не поможет, не то что вы со своей валерьянкой.

Оба старика говорили быстро, тревожно, развязно. И совершенно не сонными голосами. Водителю Петухову показалось, что старики чем-то сильно напуганы и до смерти рады приезду «Скорой». И это ему очень не понравилось.

У темного дома, который прятался в густой зелени запущенного палисадника, «Скорая» остановилась. Врач, медсестра и Свистунов заспешили к калитке. Она оказалась незаперта. Петухов вышел из машины покурить.

– Дай-ка и мне, – дед потянулся за сигаретой. – Мне что-то...

– Что? – Петухов протянул ему пачку.

– Да так, зябко что-то, сердце колотится. Зря баба моя вас всполошила, – повторил старик. – Мертвая она уже. Я как в окошко-то глянул – с нами крестная сила. Мертвая.

– Больная? Одинокая, что ли? Пожилая?

– Какой пожилая, в самом соку. Райка Мальцева – шалава. Тут ее у нас каждый как облупленную знает, но... – Старик внезапно поперхнулся дымом. – Мертвая. О мертвых плохо нельзя. Аукнуться может.

И тут Петухов услышал, как придушенно, испуганно вскрикнула медсестра. А его громко, но тоже испуганно окликнул Свистунов. Они уже были в доме.

И в это время в ночи глухо зарокотал гром – тучи погаси-

ли утреннюю зарю не зря. Вслед за громом Петухов, уже открывавший калитку, услышал еще какой-то звук – звон разбитого стекла. Как впоследствии оказалось, это ударилась о стену и разбилась створка окна. Затем глухой стук – словно на землю упало что-то тяжелое. Треск поломанных кустов...

Сверкнула молния. Петухову почудилось: при вспышке, на мгновение озарившей сад, метнулась тень, перемахнула через забор в дальнем конце участка. Но тогда еще он не был уверен, что действительно видел кого-то.

Он быстро прошел мимо окна, направляясь прямо к крыльцу, и вдруг остановился как вкопанный. Повернулся к окну. То, что он увидел краем глаза...

Окно было распахнуто настежь. Одна из створок разбита. В сад сочился тусклый желтый свет. В комнате горела единственная лампочка – старый подслеповатый торшер, какие покупали еще в начале семидесятых. Да, там был только один источник света и полно народа.

Петухову бросилось в глаза побелевшее лицо медсестры. Она, врач и санитар застыли на пороге комнаты.

А то, что Петухов увидел в следующее мгновение...

Женщина лежала навзничь на обеденном столе, выдвинутом на самую середину комнаты. То, что она была уже мертва, Петухов понял сразу. Совершенно обнаженное, полное, изжелта-синюшное тело было все в багровых кровоподтеках и ссадинах. Стол был короток для нее – ноги и правая рука безжизненно свесились вниз. На запястье алела рана. Врач

позже сказал потрясенному Петухову, что это укус.

Кроме стола, в комнате, оклеенной выцветшими рваными обоями, были лишь шкаф с зеркалом, продавленная тахта, два стула и табурет. На тахте и на стульях сидели дети. Самый маленький – лет трех – сидел на полу, прислонившись к ножке стола.

Впоследствии Петухов не раз вспоминал, что же так сильно, почти смертельно напугало его там, в этой комнате? Отчего во рту враз пересохло и вспотели ладони? Что его напугало? Покойница?

Свет падал на ее лицо. Всклокоченные, сожженные перекисью волосы, окровавленный рот. Но покойников Петухов на своем веку видел-перевидел.

Эти дети... Эти странные дети. На первый взгляд они показались ему действительно странными. От волнения он никак не мог сосчитать, сколько же их в этой убогой комнате? Пятеро? Всего пятеро?!

Двое – мальчишки-близнецы, подростки, сидели на тахте, прижавшись друг к другу. Лица ничего не выражающие, серые, тихие. Глаза... Петухов вздрогнул: в детских глазах мерцал, отражался свет лампы – словно в маленьких лужичках на асфальте. Такие глаза он прежде встречал только у сильно пьяных, наколовшихся или безумных после приступа.

На стуле, широко расставив худые ноги, сидела девочка лет двенадцати. В старом, застиранном халатике. Она обня-

ла себя руками за плечи. И молча монотонно раскачивалась взад-вперед. Что-то тихо напевала про себя. Точнее, подвывала, как раненый зверек.

Вторая девочка, лет шести, сидела скорчившись на полу, в углу за шкафом. Именно увидев ее, и вскрикнула от неожиданности и испуга медсестра. Лицо девочки было вымазано кровью. Окровавленными были и руки. Она то и дело поправляла свои светлые волосы, размазывая по щекам еще не засохшую кровь. К ней первой бросился врач, думая, что ребенок ранен. Но девочка дико завизжала и забилась глубже в угол. А когда врач опустил на корточки, пытаясь достать ее, внезапно прынула вперед, пытаясь укусить его, метя прямо в лицо.

Это была не ее кровь. Как впоследствии оказалось, на ребенке не было ни единой царапины. Ее братишка сидел под столом. Взгляд его не был таким бессмысленным и отрешенным, как у остальных детей. В его глазах водителю Петухову почудился животный испуг.

– Боже, вы видели? – прошептала медсестра. – Тут же был еще один! Петухов, вы его видели?! Петухов дотронулся до подоконника – свежая кровь.

– Он выпрыгнул в окно, едва мы вошли. – По голосу врача Петухов понял, что и тот сильно напуган. – Слушай, давай к телефону. Вызывай сюда милицию. Скажи – пусть немедленно едут, скажи... Чертовщина какая-то.

Кто-то из детей на тахте внезапно пошевелился. Начал

громко икать. Потом хихикать. Визгливо засмеялся, тыча пальцем в распростертое на столе тело. Это был смех истерики, безумия.

Петухов развернулся, сбежал по ступенькам и через кусты палисадника ринулся назад к машине, к телефону. С неба уже падали тяжелые крупные капли дождя. Это была пятница. И эту пятницу, как и ту, другую, со взрывом, Петухов запомнил на всю жизнь.

Глава 1

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

3 июня. Год спустя.

Белое здание среди соснового бора за рекой напоминало корабль. Мраморные террасы, тонированные стекла просторных лоджий, красная черепица крыши. Из окон вид открывался на реку и на парк, где среди сосен и лиственниц были проложены мощенные плиткой дорожки к двум открытым бассейнам, теннисным кортам, конюшням, манежу, барам и похожему на гигантский аквариум зданию для игры в боулинг.

С берега реки все это было хорошо видно – весь комплекс зданий располагался на склоне холма, живописно спускавшегося к небольшой пристани, где у причала стояли два новеньких катера, скутеры и несколько разноцветных моторных лодок.

Водитель специально сбавил скорость. Катя, не отрываясь, смотрела в окно: да, между этим берегом реки, где пролегало шоссе на Спас-Испольск, и тем, на котором выстроили белое, похожее на пароход здание, была огромная разница.

В Спас-Испольск Катя – Екатерина Петровская, теперь, в

замужестве, Екатерина Кравченко, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, – ехала впервые. Район считался ближним к столице, однако, несмотря на это, очень спокойным. Как отмечалось в аналитических отчетах, «криминогенная ситуация в городе из года в год стабильно держалась на уровне, близком к стабильности». Катя подобную профессиональную тарабарщину терпеть не могла. Сказали бы проще – это не пять-семь убийств, ограблений и разбойных нападений за неделю, а одно-два в месяц.

О причинах чудесного затишья в столь близком от Москвы месте выдвигались разные предположения. Самая ходовая версия: Спас-Испольск просто объявлен нейтральной территорией. Место считалось одним из лучших для отдыха в Подмосковье. И за последние пять лет здесь понастроили коттеджей, вилл, центров отдыха и развлечений, загородных ресторанов, вертолетных площадок, расчищали лес, превращая его в ухоженный парк.

Поговаривали, что перед началом такого бурного строительства кто-то с кем-то договорился, кто-то у кого-то попросил благословения и крыши и, получив желаемое, объявил место будущего отдыха по-европейски бескровным заповедником. После этого уровень уличной преступности в районе вдруг резко пошел на спад, к великому ликованию местных стражей порядка. Затем медленно, но стабильно стал снижаться и уровень тяжких и менее тяжких преступлений. Картину портила лишь «бытовуха». Но, видимо, с этой

криминальной заразой не могли справиться даже те, кто, подобно атлантам, поддерживал над заповедником пуленепробиваемую крышу-колпак.

И надо же было так случиться, что именно здесь, в Спас-Испольске, месяц назад и произошло...

Катя посмотрела в окно: белый дом-корабль уже скрылся из вида. Шоссе свернуло, и теперь вдоль дороги, как гнилые зубы, торчали старые, ветхие дома Александровки – пригорода Спас-Испольска. Они уже почти приехали.

Случай был настолько странным, что Катя даже отложила свой отпуск. Она вздохнула: их долгожданный совместный отпуск с мужем Вадимом Кравченко. В результате все отодвинулось на июль, а то и на август. Кравченко же вместе с закадычным своим приятелем Сергеем Мещерским улетел в Анталию. Нет, не загорать на пляже, как они первоначально планировали с Катей, а совершать рафтинг – сплав по горным рекам на резиновых лодках, в касках и спасательных жилетах.

Катя поежилась: брр, рафтинг. Новая забава мужа и его закадычного дружка. Отдых для чокнутых. Ее бы, конечно, даже если бы она бросила ЭТОТ СЛУЧАЙ и уехала вместе с ними, никто не заставил скакать в резиновой лодке с камня на камень. Впрочем, Вадька обещал ей железно: вторую половину отпуска они проведут вместе. Останутся деньжата – в Анталье. Оскудеют – махнут в Крым пить дешевый виноградный сок. На теплое море. Вдвоем. Как молодожены.

– У отдела милиции выйдете? Или до прокуратуры довезти? – спросил Катю водитель. Это был новый водитель. А машина – старая «Нива». Такую пригнали с автобазы. В Спас-Испольск Катя приехала одна, без телеоператора. Телевизионщики сказали: пока дело не сдвинулось с мертвой точки, им снимать нечего.

Катя попросила довезти ее до отдела милиции. Лучше узнавать новости в родных стенах, чем в прокуратуре. И что нового могли сказать прокурорские? Ведь ничего еще не было обнаружено – ни трупов, ни каких-либо следов. Катя прикинула, когда она узнала о происшествии. После майских праздников, где-то числа пятнадцатого мая. А ЧП случилось...

Сведения, полученные Катей по этому делу, были скудными и жутковатыми одновременно. В ночь на первое мая компания молодых людей – две девушки и парень – вроде бы отправилась на пикник на берег реки. И больше их никто не видел. Машину, на которой они приехали, «Жигули» десятой модели, через несколько дней действительно нашли на берегу. А люди словно в воду канули.

Но это были лишь первоначальные сведения. Следующая порция информации, добытая Катей с барабанным боем в уголовном розыске, несколько отличалась от предыдущей. Да, правда, всех троих без вести пропавших последний раз видели вечером тридцатого апреля. Действительно, они собирались на пикник. Вот только не на реку, а в СЪЯНЫ. По-

чему именно ночью? Да, говорят, ночь на первое мая – это знаменитая Вальпургиева ведьмина ночь. И молодежь отмечает ее на всю катушку, как и новомодный Хэллоуин и День святого Валентина.

А Съяны... Кате объяснили вкратце, что такое Съяны. старинные, давно заброшенные каменоломни на берегу реки. С тринадцатого века там брали камень на строительство Москвы, но уже в семнадцатом веке все выработки прекратились. Съяны – это целый лабиринт вырытых под землей ходов, которые тянутся на много километров.

Катя, слушая все это, справедливо засомневалась: да полно, действительно ли эти ребята решили провести Вальпургиеву ночь в таком неудобном месте?

В розыске ее сомнения постарались рассеять: дело не наше. И даже не прокурорское. Делом начал заниматься... РУБОП. Версию несчастного случая сначала полностью вытеснила версия похищения с целью получения выкупа. Отец одной из пропавших девушек якобы очень состоятельный человек. Ребят волей случая хватились только третьего мая. Отец этой девушки сразу же обратился в милицию, точнее, в столичный РУБОП. В несчастный случай он не верил с самого начала. Считал, что дочь похищена, что похитители вот-вот выйдут на связь, требуя деньги. В РУБОПе тоже ждали вестей от возможных вымогателей. Но к отцу пропавшей девушки никто не обращался. Тут снова всплыла версия о возможном несчастном случае. Потом на берегу реки обнару-

жили их машину...

Машина принадлежала пропавшему вместе с девушками Андрею Славину. Следов борьбы или насилия в салоне не зафиксировали. Милиция несколько раз осматривала вход в заброшенные каменоломни. Однако никаких следов пропавших так и не удалось обнаружить. Ни тел, ни следов, ни улик. Ничего.

К третьему июня новостей не прибавилось. Версия похищения была окончательно отброшена. Считалось, что все это трагический несчастный случай. Так думала и Катя. По крайней мере, тогда, утром 3 июня, подъезжая к зданию Спас-Испольского ОВД, она еще думала именно так.

В отделе по неписаным служебным правилам надо было сначала представиться местному начальству. Так, мол, и так, явился из главка криминальный обозреватель пресс-центра узнать, как тут у вас обстоят дела с охраной общественного порядка. (Проявлять повышенный интерес к исчезновению людей вот так сразу в лоб не стоило. Местное начальство, у которого до сих пор не было по этому печальному факту ни одного положительного результата, могло закапризничать и замкнуться, наотрез отказавшись давать информацию.)

Катю принял строгий и юный на вид начальник службы криминальной милиции Лизунов. Настолько юный, что она даже подумала: в районе острая нехватка руководящих кадров. Все как один на борьбе с бандитизмом, участвуют в новой чеченской кампании. А дома остались служить одни зе-

ленные курсанты. Однако, несмотря на мальчишеский вид, Лизунов говорил хрипловатым пропитым баском «под Высоцкого», а по погонам оказался уже капитаном. В Спас-Испольском ОВД он пока еще был не настоящим начальником, а только и. о., замещаая на время отпуска своего шефа.

Разговор сначала затейливо петлял вокруг последней главковской коллегии и задачи «повышения общего уровня раскрываемости». Лизунов хвалился результатами операции «Мак», пообещав предоставить Кате оперативную видеосъемку задержания торговцев героином из Таджикистана. Момент был самый подходящий. На общей позитивной волне пора было прощупать почву и насчет случая месячной давности и поисков без вести пропавших. Но тут их прервали на самом интересном месте.

– Аркадий Василич, только что из суда звонили. Задержанных придется освободить, – убито-разочарованным тоном доложил кто-то Лизунову по селекторной связи.

– Всех четверых? – столь же тускло поинтересовался тот.

– Так точно. Адвокат Луконенко сейчас подъедет, постановление суда в ИВС привезет. Между прочим, там в суде представитель Баюна появился. Видимо, Баюн сильно забеспокоился, как бы кто чего лишнего не сболтнул. Ну, и нажал, наверное.

– А кто дело рассматривал?

– Судья Прохорова.

– Исключается нажим, – Лизунов тяжело вздохнул. – Она

ж старуха, одной ногой в могиле, другой на пенсии. Плевать ей на нажимы. Да и норов у нее самой крутой. И потом... Да что мы на судью все валим? Я ж говорил, пушку надо было тогда искать. Нашли бы – дело в шляпе было бы и на Луконенко, и на прочую гоп-компанию. Ну ладно, понял я ситуацию. Слушай, как явится адвокат, пусть мне доложат. Я с ним, с этим юридическим вундеркиндом, сам переговорю.

Катя мало что поняла из этих скучных переговоров. Правда, ей стало любопытно: а кто такой Баюн? Жулик, преступник, рэкети́р, растлитель малолетних, мафиози? А прозвище как у кота из сказки...

– Да драка тут была в баре, – хмуро буркнул Лизунов, поймав ее вопросительный взгляд. – Стреляли. Одному ногу продырявили, легко, в мякоть навyleт. Вроде задержали всех, а пушку так и не нашли. То ли выбросить успели куда, то ли obsлyга бара подсуетилась. Ну и друг на друга, естественно, никаких показаний. Никто ничего не видел, не слышал, не бил, не стрелял. А у самих рожи все расквашены.

– Доказательств не хватило? – участливо полюбопытствовала Катя.

Лизунов горько усмехнулся:

– В суд сразу все жалобы накатали на необоснованное задержание. Тут и адвокаты как мухи и...

– Бывает. – Катя была сама серьезность. – А мне говорили – у вас спокойный район. Ничего такого громкого со стрельбой.

– А это не наши балуют. Это чужие. Москвичи.

Лизунов произнес это так, что Катя поняла: хоть от Спас-Испольска рукой подать до столицы Белокаменной, москвичей, как это водится в провинции, здесь тоже не жалуют.

– Значит, вы к нам по результатам коллегии приехали? Или вас, Екатерина Сергеевна, что-то еще в нашей работе интересует? – подозрительно спросил Лизунов.

Катя снова не успела заикнуться о пропавших без вести, как позвонили по селекторной еще раз, сообщив, что адвокат Луконенко ждет.

Лизунов заторопился:

– Ну, отчет по итогам «Мака» в штабе пока... Я сейчас распоряжусь, чтобы вам предоставили все материалы... Если возникнут какие вопросы, обращайтесь или ко мне, или прямо в УНОН.

И Кате ничего не осталось, как вежливо и бодро откланяться. Однако в УНОН к борцам с наркобизнесом она не пошла. Направилась прямо в следственное отделение. Из-за двери кабинета под номером семнадцать доносился дробный перестук пишущей машинки. Катя распахнула дверь без стука. Свои.

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте.

– Катюшка? Класс! Когда приехала? Только что? Класс! А вы, Пререкаев, помолчите, вашим мнением тут никто не интересуется. Обдумайте лучше мой последний вопрос.

Пишущая машинка молчала, зато строчил станковый пу-

лемет. Тысяча слов в минуту. Миллион. Катя смотрела на воздушное миниатюрное создание, пушинкой сорвавшееся с жесткого канцелярского стула ей навстречу. С Варей, а если официально – с Варварой Михайловной Красновой, они не виделись более года. Но та нисколько не изменилась. Точнее...

С некоторых пор Катя заметила: натуральные блондинки в этом сезоне повально красятся в жгучих брюнеток. Варя-Варвара была рождена светло-русой. А сейчас перед Катей радовался жизни румяный «гарсон» – кудрявая смоляная челочка подпрыгивала на загорелом лбу, стильно прилизанные височки топорщились как два серпика, чем-то напоминая крылья стрижа.

Как и год назад, Варвара обожала сочетание черного и белого цветов – черное платье, белый летний пиджак. Как и год назад, для маникюра она выбирала убойный коричнево-бордовый итальянский лак. Словом...

Словом, она была и прежней, и совершенно иной. Неизменным оставался лишь этот тесный кабинетик с зарешеченным окном, эта раздолбанная машинка и этот сейф в углу, набитый уголовными делами.

Варвара Краснова была следователем Спас-Испольского ОВД. А с Катей они были подруги. Врут, что у женщин-следователей не бывает личной жизни. Варя Краснова развелась с мужем; у нее была дочка шести с половиной лет и белый, глухой как пробка кот Мюрат. Все свободное время она по-

свящала спорту: когда от зарплаты что-то оставалось, покупала разовый абонемент в городской фитнес-клуб на занятия шейпингом и аэробикой.

– Катька, да ты хоть бы позвонила, намекнула, я бы вчера шарлотку испекла! Или эти с творогом – ну, пышки, твои любимые! Ты чем добиралась? Автобусом? Ах, на машине... Везет вам, прессе. Пререкаев! А ваши реплики здесь не нужны. Вы обдумали ответ на поставленный вам вопрос?

В кабинете находился еще и гражданин Пререкаев. Как и положено подследственному, сидел он на стуле, скучно, монотонно бурча что-то на вопросы следователя. Но когда появилась Катя, оживился, пытаясь вставить и свое слово в беседу. Катя прикинула: за что такой может париться? Пререкаеву было под пятьдесят – испитой замухрышка, однако от наколок чистый.

Краснова попросила его подождать за дверью.

– Вор? Душегуб? Или, сохрани боже, фальшивомонетчик? – спросила Катя.

– Кухонный воин. Нанесение побоев. Дело частного обвинения. – Варя кивнула на тоненькое дело. – Раз в три месяца жена пишет на него жалобы: бьет, пьет. Потом на очной ставке все, как партизанка, отрицает. Выгораживает его – муж какой-никакой. Идут на мировую. Гром фанфар, слезы умиления. Мы дело прекращаем, выставаем карточку. А потом все по новой. Надоел он мне. Так бы и удавила своими руками, – она плотоядно пошевелила наманикюренными

пальчиками.

– Гони его, а? – Катя опустилась на стул. – Гони его с глаз, золотце мое.

– Сейчас, только показания прочтет и протокол подпишет. И через пять минут Пререкаева изгнали.

– Ну, рассказывай, – Краснова была рада подруге. – Надолго к нам? Ну, сегодня точно не уедешь. После работы ко мне, ты ж на новоселье у меня не была!

После развода Краснова долгое время жила на казенной, принадлежавшей отделу квартире. А фактически – в коммуналке, где было чрезвычайно шумно и беспокойно от испокон веков обитавших там холостых представителей ГАИ и уголовного розыска. Потом ей дали квартирку – однокомнатную, на первом этаже. Окна – в заросший жасмином и бузиной двор.

С приятельницей Катя темнить не стала. Услышав про пропавших без вести, Краснова задумалась.

– А какой материал ты хочешь по ним найти? Дело-то не раскрыто. Причем и уверенности ни у кого нет, что это что-то криминальное. Скорее всего заблудились эти несчастные в наших провалах. Такое и раньше бывало. Впрочем, тебе с Рубиком Керояном надо потолковать. Он тогда первый на место выезжал и в каменоломни в составе поисковой группы спускался. – Краснова двинулась к двери. – В розыск звонить бесполезно, они, когда с задержанным беседуют, просто трубку не берут. Я сейчас к ним сама спущусь, Керояна

тебе приведу. А ты сиди, отдыхай. Потом чай будем пить.

Катя осталась в кабинете одна. Подошла к окну. Из него был виден двор отдела. Она обратила внимание на огромный темно-зеленый джип. Катя в иномарках разбиралась скверно, но тут и без специальных познаний было ясно: роскошная, новая и очень дорогая машина.

Возле нее она увидела невысокого коренастого мужчину в черном костюме и черном галстуке. Он беседовал с сотрудником милиции в форме. Катя вспомнила: в отдел должен был приехать адвокат какого-то Луконенко. Надо же, какое у адвоката роскошное авто.

В машине вроде бы сидели еще люди, но Катя их не разглядела. Тоже адвокаты, решила она. Да, если стрелка из бара защищают такие персоны, то чему удивляться, что районный суд выпускает их по первой же жалобе?

Мужчина в черном костюме попрощался с сотрудником милиции. Они говорили... Кате показалось, милиционер (это был, видимо, помощник дежурного) то ли объяснял что-то своему собеседнику, то ли успокаивал его. Мужчина сел за руль джипа. И Катя подумала: нет, все-таки эта роскошная машина чем-то неуловимо похожа на катафалк.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

От Спас-Ипольского уголовного розыска в лице старшего оперуполномоченного Рубена Керояна она узнала лишь имена и фамилии пропавших да крайне скудную информацию о том, как же местной милиции стало известно о происшествии.

Кероян был мрачным, неразговорчивым молодым человеком. И вопреки своему южному темпераменту классическим меланхоликом. Впоследствии Варвара Краснова, сплетничая по-женски, поведала Кате, что причина крайне минорного настроения опера в то утро крылась в окончательном разрыве с «его девушкой», секретаршей ОВИРа, которая как раз накануне подала заявление в ЗАГС с лучшим другом Керояна, тоже сотрудником местного розыска. В результате внутри крохотного боевого подразделения сложилась крайне нервная и взрывоопасная обстановка. Сердечная рана Керояна обильно кровоточила, и он всем своим видом показывал, что сейчас (сейчас!) ему совсем не до расспросов какой-то любопытной корреспондентки из пресс-центра главка.

Катя же в пику ему проявила редкую черствость и упорство. Впрочем, фамилии пропавших она и так знала — из сводки. И они ей пока ровным счетом ничего не говорили.

Милиция разыскивала неких Марию Коровину, Веру Островских и Андрея Славина. Все трое были местные жители. Девушкам было по двадцать два года, Славину – двадцать пять. В ночь с 30 апреля на 1 мая на машине Славина они втроем якобы отправились то ли на реку, то ли в заброшенные каменоломни, и с тех пор их больше никто не видел.

На этом фонтан красноречия Керояна иссяк, и Кате пришлось задавать наводящие вопросы.

– Я слышала, первым в милицию сообщил об исчезновении ребят отец одной из девушек. Что, он действительно подозревал сначала, что это похищение?

Кероян нехотя кивнул:

– Он сразу в РУБОП кинулся, к вам в Москву. Нашим не доверился. И насчет каменоломен там вообще сначала речь не шла.

– То есть? – насторожилась Катя.

– Ну, версия о том, что они отправились в Съяны, появилась, когда он уже к нам после РУБОПа прибежал 7 мая. Как раз я дежурил на праздники.

– Рубен, вы хотите сказать, что целую неделю в этих каменоломнях их даже никто не искал?!

– Мы вообще сначала не знали, что они пропали. Праздники ж были – у Коровиной мать с сестренкой в Питер уехала на экскурсию. Вернулась, а дочери дома нет. У Славина никого из близких – мать два года назад умерла. А отец Веры Островских... Они с женой хватились третьего мая – Вера

в Москву им не позвонила. Он сначала сам ее искал, а потом махнул в РУБОП. Ну а там свои порядки. Полная секретность и тайна аж до заикания. — Кероян сделал усилие и саркастически съязвил: — Они ждали у моря погоды — может, похитители объявятся, деньги станут с Островских требовать. Никто так и не объявился. Тогда он к нам, к местным, — караул, единственная дочь пропала, помогите!

— И как же тогда появилась версия, что ребята отправились в каменоломни?

— Я после разговора с ним в «Пчелу» сразу поехал. Диско-бар у нас тут такой, молодежь тусуется. На праздники — сплошное веселье. Пытался узнать, когда Коровину и Славина там в последний раз видели.

Катя отметила, что Кероян на этот раз не упомянул фамилию другой девушки — Веры Островских.

— Кое-кто из полезных мне там тусовался. Ну, начали с ними потихоньку разбираться. Тут-то и всплыло, что в «Пчеле» их видели вечером 30 апреля. Там вечеринка намечалась. Но только где-то около одиннадцати, по словам свидетелей, они оттуда слиняли на машине Славина. Мне сказали: вроде собирались провести Вальпургиеву ночь в самой подходящей обстановке.

— Это в заброшенных пещерах?

— Вроде да. Машину Славина мы потом на берегу реки нашли. Там неподалеку вход в каменоломни. То есть один из многих входов.

– Один из многих? Значит, тут есть и другие?

Кероян глянул на Катю, но ничего не сказал.

– А что, эта Коровина и Славин... Они дружили?

– Вроде того. Спали.

– А Вера Островских? Почему и она туда с ними поехала?

Вроде ведь третий лишний.

– Они с Коровиной – близкие подруги.

– А что, ее отец действительно состоятельный человек?

Можно с такого за дочь деньги потребовать?

– Можно, – Кероян отделался лаконичным ответом. И дальше развивать эту тему не стал.

– Вы, Рубен, первый выезжали в эти Съяны. Ну и?.. – Катя была само любопытство.

– Да, сначала я один поехал, просто информацию проверить.

– Вы же говорите – там, в этих пещерах, множество входов, как же вы догадались, куда именно нужно?..

– Дыра у дуба – самый посещаемый вход. Туда и туристы забредают, и спелы приезжие.

– Спелы?

– Ну, спелеологи.

Катя примолкла на секунду: видимо, она еще очень плохо представляла себе эти каменоломни. Если их даже спелеологи для себя облюбовали...

– И что же, Рубен, вы там обнаружили?

– Сначала жирный ноль. Потом к реке спустился, ма-

шину Славина в кустах увидел. «Жигули»-»десятка», цвета «баклажан», новая. Он ее недавно приобрел, у нас в ГИБДД оформлял. Никаких следов проникновения, борьбы или взлома там не было. Ключей тоже.

– А Славин кем работал?

– В банке. Менеджером, что ли. После финансового института сразу.

– Неплохое распределение в двадцать пять лет.

– Его отец Веры Островских туда устроил. Парень после смерти матери совсем один остался. Островских мать его хорошо знал, да ее тут все в районе знали. Она в оные времена в райисполкоме работала, в жилкомиссии.

– А вы сами в Спас-Испольске давно живете, Рубен?

– Я здесь родился.

– Извините, я вас перебила. Вы нашли машину, и что же дальше?

– Что? Пещеру осмотрел, вглубь один не полез. Вернулся в отдел, начальству сразу доложил. По тревоге людей подняли, пытались осмотреть там эти чертовы норы, но... Короче, дальше ста метров вглубь не двинулись.

– Почему?

Кероян снова посмотрел на нее:

– Вы когда-нибудь бывали в Съянах?

– Нет, – честно призналась Катя. – Впервые услышала, что такое странное место тут у нас под Москвой.

– И не советую туда нос совать, – хмуро предупредил

опер. – Эти вот уже попробовали.

– Значит, они вполне там могли заблудиться и... – Катя почувствовала внезапный холодок. Медленная мучительная смерть ждала заблудившихся в пещерах без воды, света, пищи. Их начали искать там только спустя неделю, а это значит...

– Вы считаете, они погибли? – спросила она.

– Были бы живы, давно бы объявились.

– И это, по-вашему, несчастный случай?

Кероян пожал плечами. Жест означал: а что, у вас, криминального обозревателя, есть другое мнение?

– А вообще, зачем они туда отправились в ту Вальпургиеву ночь? Как вы думаете? – не унималась Катя. – Такое жуткое место, да еще в такое время...

– В «Пчеле» в ту ночь вечеринка ужасов была – «Монстры выходят на охоту». Перепились там все в дупель. Ну, и эти наши тоже, наверное. А может, что и покрепче алкоголя там было. После решили перенести вечеринку в более подходящую обстановку, нервишки пощекотать. В подземные ходы забрались по пьянке, а обратно потом выхода не нашли.

Кероян демонстрировал всем своим видом, что вопрос исчерпан. Катя чувствовала: беседа с кавказским Пьеро-меланхоликом близится к концу. Но напоследок ей надо было узнать еще кое-что.

– И в каком же состоянии дело сейчас? – спросила она. – Ищите вы их там или нет?

– Дело возбуждено. Пока висит на нас. Ищут... трупы. Только не мы уже.

– А кто же?

– Островских спелов нанял по катакомбам шарить. У них и подготовка, и снаряжение необходимое. И Съяны они хоть немного да знают. Швед вон каждый сезон группы туда водит. Они там лагерь разбили. Если хотите, можете съездить. Только и у них пока тоже результатов ноль, у этих спасательниц хреновых.

Катя не совсем поняла, что он имел в виду. Но уточнять не стала – не надо раздражать мальчика. Беседа с Керояном утомила ее до крайности. А в результате она почти не получила новых полезных сведений, кроме...

– Слушай, а правда, тут у вас какие-то спасатели появились? – спросила она Краснову, когда они остались в кабинете одни.

– Говорят, что да. У Медвежьего дуба их стоянка. Где вход в Большой провал.

– А туда как-нибудь можно добраться?

– Это за Александровкой. Туда автобус ходит, только редко. – Я сейчас поеду туда, Варя.

– Не забудь – вечером у меня. Сюда вернешься или тебе мой новый адрес дать?

– Давай адрес. Если я там припозднюсь, придется у тебя ночевать.

– Милости просим. Катюшка рада тебе будет. Все вспо-

минает, как вы с ней в зоопарк ходили.

Катя улыбнулась. Дочку Вари тоже звали Катей. Только Катей Маленькой. И они действительно ходили в зоопарк, когда прошлым летом Варя приезжала к ним в гости. У Кати мелькнула тогда дальновидная и блестящая мысль: а что, если познакомить Краснову с Сергеей Мещерским? Тому давно пора жениться. И Варвара как-то должна устраивать жизнь заново.

По плану, чтобы не мешать знакомству, Катя предложила Кравченко забрать Катю Маленькую и смотаться в зоопарк «смотреть бегемота», оставив Краснову и Мещерского наедине. Они гуляли по зоопарку, потом до вечера сидели в летнем баре и спорили. Катя мечтала, как неплохо было бы, если бы дело сладилось. А Кравченко считал все это дохлым номером. А потом Катя Маленькая захотела спать. Кравченко взял ее на руки, и она уснула у него на плече.

Но, увы, ничего не сладилось у Мещерского с Красновой. Хотя они вроде бы идеально подходили друг другу по росту – оба миниатюрные: коротышка и дюймовочка.

По словам раздосадованной Вари, они посидели в баре, потрепались ни о чем, потом Мещерский проводил ее на квартиру Кравченко и Кати, а сам тут же сослался на неотложное дело и слинял.

Краснова с дочкой на следующий день уехала домой. Катя искренне горевала, что знакомство-сватовство лопнуло. А Мещерский, весь малиново-пунцовый, раздраженно огры-

зался на шпильки Кравченко: «Мы женили медвежонка на сияющей матрешке...»

И только Катя Маленькая осталась всем довольна: до сих пор помнила про зоопарк!

Катя Большая вздохнула: черт возьми, какая сложная штука жизнь.

– Какой номер автобуса? – спросила она Краснову.

– Как у моего кабинета – семнадцатый. Остановка – «Лодочная станция». Но там еще вдоль реки надо идти. Не заблудишься?

– Постараюсь, – бодро ответила Катя.

Глава 3

ПОЛЕ ДЛЯ ИГРЫ В ГОЛЬФ

Автобус № 17 подошел на удивление быстро. А лодочная станция оказалась конечной остановкой. Катя прикинула с тоской: вот сейчас высадят тебя где-нибудь в лесу, за околицей какой-нибудь деревни. Ищи-свищи там в глуши лагерь заезжих спелеологов. Названия, вскользь брошенные Керо-яном и Красновой, тоже оптимизма не внушали: Медвежий дуб, Большой провал. Так и хотелось добавить: за Кедровой сопкой у Тигровой балки верст тридцать с гаком...

За окном автобуса проплыли новостройки Спас-Ипольска, потом замелькали хибарки Александровки. Затем начался подмосковный лес, скорее даже придорожная липовая аллея – так аккуратно были высажены вдоль шоссе старые тенистые липы. А за аллеей...

За что Катя искренне любила Подмоскowie, так это за преподносимые им сюрпризы. Никогда нельзя угадать, какой вид откроется за поворотом дороги. Липовая аллея кончилась, автобус затормозил на остановке, сделанной в форме резного деревянного теремка. Позади него в зелени виднелось двухэтажное кирпичное здание под черепичной крышей – новый и очень красивый еврокоттедж.

Катя вышла и огляделась. Она ожидала увидеть здесь ка-

кие-нибудь пустыри, заросшие бурьяном, заброшенные поля или овраг в зарослях, где ей до посинения предстояло искать какой-то там Медвежий дуб и вход в заброшенные каменоломни. А тут...

Вдоль дороги шла невысокая, изящная кирпичная ограда, доходившая Кате до пояса. За ней же был разбит настоящий ландшафтный парк: круглые, обработанные искусными садовниками куртины кустов на изумрудном подстриженном газоне. Вдали среди травы виднелось несколько ровных площадок, засеянных травой более светлого оттенка. От них словно лучи вели какие-то дорожки к другим, таким же площадкам с неглубокими ямками посередине.

В дальнем конце поля появились люди: двое мужчин в шортах и бейсболках и третий – в черной униформе охранника. Он нес два клетчатых баула, из которых торчали...

Катя пригляделась. Игроков в гольф она видела только в кино. А эти трое, точнее, двое, потому что охранник был не в счет, намеревались сыграть здесь партию – и это было не что иное, как поле для гольфа.

Катя не отказала себе в удовольствии понаблюдать за тем, как они достали из баулов свои клюшки. Было как-то не совсем привычно видеть здесь и это поле, и этих людей. О том, что играть в гольф в Подмосковье могут позволить себе только очень-очень богатые, она слышала от Кравченко. Например, его работодатель, небезызвестный в столице предприниматель Василий Чугунов, у которого Кравченко был бес-

сменным начальником личной охраны, игры в гольф чурался как заразы по причине крайней дороговизны членских карт гольф-клуба. А ведь Чугунов мог со своих капиталов позволить себе многое – и собственное охотхозяйство, и личный вертолет, и даже перворазрядную конюшню на базе столичного ипподрома.

Здесь же, на окраине подмосковного Спас-Испольска, на берегу реки, двое игроков неторопливо и метко посылали первые дальние удары, загоняя мячи в лунки. Катя двинулась по шоссе вдоль кирпичной ограды. У развилки было выстроено изящное кафе: мангал, летняя веранда. За стойкой у гигантской итальянской кофеварки скучал бармен. Катя спросила у него, где лодочная станция.

Выложенная плиткой дорожка спускалась среди зарослей ивняка к дощатому причалу. За ним, в глубине соснового бора, Катя увидела контуры того самого белого здания.

Прилегающая ухоженная местность снова напоминала ландшафтный парк. Не хватало только ярких клумб. Мимо на велосипеде проехал мальчишка. На Катин вопрос про лагерь спелеологов он ткнул рукой куда-то вперед. Берег реки там был гораздо круче. Над водой кружили ласточки – их гнезда как раз чернели там, в белых известняковых обрывах.

Кате пришлось вернуться на шоссе. Справа началась веселая березовая роща. От шоссе вглубь ее уводила тропа. Имелся и деревянный указатель: на доске, словно герб, был вырезан развесистый дуб.

И Катя подчинилась указателю. Брела не торопясь: березки, березки, пятна тени на густой траве, как кружево, какие-то легкомысленные беленькие и голубенькие цветочки. Такая идиллия.

И вдруг из-за деревьев донеслась музыка. Катя ушам не поверила: ангельский голос Сары Брайтмэн, исполняющий знакомую классическую мелодию. Она тихонько раздвинула ветки кустов и...

Музыка доносилась из магнитолы, стоявшей прямо на траве. Здесь же была и брошенная комом одежда. А на траве среди клевера, ромашек и колокольчиков лежала обнаженная женщина: сильное стройное тело, уже тронутое первым загаром, длинные стройные ноги, бедра, округлая грудь. Женщина была рыжеватой шатенкой, ее увенчанные венком волосы разметались по траве. Вот она приподнялась на локте, венок из травы и ромашек съехал набок. Женщина сдернула его и швырнула в кусты мощным броском. Так, словно метала диск или бумеранг.

Венок упал к Катиным ногам. Это была чистая случайность.

Теперь она могла разглядеть и лицо женщины. Красивым оно ей не показалось, скорее энергичным, волевым: резкие черты, которыми отличаются спортсменки, из тех, кто занимается лыжами или марафонским бегом. Лицо было некрасивым и не очень молодым. Зато ухоженные волосы, тело и кожа поражали гармонией линий и форм.

Женщина снова легла на траву. Кате внезапно стало неловко: что это она подглядывает за незнакомкой? Нудистка, наверное, какая-нибудь загорает на укромной полянке. Медитируя под изыски Сары Брайтмэн.

Откуда-то из рощи послышались дальние голоса. Запахло дымом. Видимо, лагерь, к которому так стремилась Катя, был где-то неподалеку.

Женщина под солнцем лежала, широко раскинув на траве ноги и руки. Казалось, она кого-то ждала. И Катя подумала: вот сейчас хрустнет ветка и ОН – дикое божество – выйдет на поляну. И они займутся любовью. Но кругом было тихо. Никто не шел на свидание. Катя помедлила. Наклонилась, подняла венок: ромашки и осока. Ромашки уже увядали. Она размахнулась посильнее и запустила им в обнаженную на траве. Метко попала.

– Женька, это ты? Женечка, ты где?!

Катя юркнула в кусты. Чувствовала она себя как в школе, когда удавалось подложить ненавистой математичке кнопку на сиденье стула.

А лагерь спелеологов напоминал обычные подмосковные туристические лагеря: шесть оранжевых палаток, брезентовый навес над полевой кухней, дощатым столом и лавками, место для вечернего костра, обложенное закопченными камнями, второй навес, где горой сложены какие-то ящики и тюки.

На веревках, протянутых на самом солнцепеке между де-

ревяев, сушились джинсы, брезентовые куртки, майки, женские трусики и бюстгальтеры.

Поначалу людей Катя в лагере не увидела. Зато с первого взгляда заметила, что место довольно открытое – опушка березовой рощи, а за ней поле, дуб один в чистом поле (тот самый Медвежий?), дальше шоссе, снова поле, ферма, автобусная остановка и лес на горизонте.

По шоссе мчались машины. Вообще, и лагерь, и его окрестности были настолько обжитыми, что странно: как здесь могли бесследно исчезнуть трое людей?

– Здравствуйте, вы что, к нам? А вы кто?

Катя обернулась. Две девицы в купальниках. У одной – ведро с очищенной картошкой, у другой рюкзак, набитый капустой.

Катя официально представилась и даже предъявила удостоверение. Не стала лукавить: капитан милиции, криминальный обозреватель, слышала в местном отделе, что к поискам пропавших без вести подключен отряд спасателей-спелеологов. И вот решила взглянуть.

– Что ж, любуйтесь, – насмешливо фыркнула одна из девушек – крепкая, спортивного вида стриженная брюнетка. – Только вам сначала с Алей Гордеевой надо поговорить. Она начальник экспедиции. Все через нее. У нас здесь такой порядок.

– А где же эта ваша Гордеева? – любопытствовала Катя.

– Она скоро будет. – Девушка ответила тоном вежливой

секретарши. – У нас вообще сейчас по плану мертвый час. Отдыхают все после штурма.

Катя пока решила не цепляться за причудливое словечко «штурм». Спросила только: а где все отдыхают?

– В палатках спят. И на реке.

Вдали послышался шум мощного мотора.

– Извините. – Девушка отодвинула Катю с дороги, словно лишний предмет. Давая понять, что без разрешения «начальника экспедиции» она и не собирается оказывать гостеприимство капитану милиции.

Катя увидела, как с шоссе по направлению к лагерю свернула машина. Это был тот самый темно-зеленый джип, который она заметила во дворе ОВД, приняв его за машину высокооплачиваемого адвоката. У дуба он остановился. Девушки быстро пошли к машине. Откуда-то сразу появилось еще несколько. Мужчина среди них был только один. Катя в толчее, сразу возникшей возле джипа, его плохо разглядела – вроде молодой, высокий, спортивный. Темные волосы коротко, модно острижены, на плече татуировка – два дракона.

Ее внимание тут же переключилось на пассажиров джипа. Один из мужчин – молодой, по виду явный шофер-охранник. Второй – тот самый, уже виденный Катей во дворе ОВД: невысокий полный человек лет пятидесяти пяти в черном костюме, черном траурном галстуке и модных дорогих черных очках, которые совершенно не шли к его грубоватому простому лицу.

Он тепло, за руку поздоровался с парнем с татуировкой. Водитель открыл багажник джипа и начал сгружать на траву какие-то коробки.

Приехавшие на джипе женщины внимательно прислушались к беседе. Одна была лет тридцати пяти. Высокая, стройная, миловидная. Одета в отличный бежевый брючный костюм из льна. Вокруг шеи черный шарф-креп. Ее густые, изящно подстриженные темные волосы отливали на солнце красно-бордовым, словно дорогое вино.

Вторая женщина была старше лет на десять. Худая, жилистая, крашеная блондинка. Одета очень скромно – в летнее темное платье, из тех, которыми заполнены все рынки. В руках она держала черную сумку, по виду тоже «с рынка». Рядом с ней стояла девочка лет одиннадцати в джинсовых шортиках и майке.

Женщины были совершенно разными – по стилю, манере держаться, видимо, и по уровню материального достатка. Но было у них и нечто общее – нервное напряжение, сквозившее в их взглядах, жестах. Тревога, отчаяние и вместе с тем почти фанатическая надежда. На что?

Из-за галдежа, поднятого спелеологами, их беседа с парнем с татуировкой была Кате абсолютно не слышна. Парень положил руку на плечо мужчине, словно ободряя его, затем указал куда-то вниз. Потом они, сопровождаемые эскортом девушек, двинулись туда, откуда только что пришла Катя: в березовую рошу. Лагерь быстро опустел. Только водитель

остался у машины. Трудолюбиво, как муравей, он начал перетаскивать коробки под навес. Некоторые были очень тяжелыми. На одной Катя прочла «тушенка», на другой по-французски значилось «сладкий зеленый горошек», на третьей – «хозяйственное мыло», на четвертой – «мороженые креветки». Водитель вытер со лба пот и начал извлекать из багажника ящики с пивом.

Глава 4

СЛЕД?

На территории спортивно-развлекательного комплекса «Сосновый бор» в летних сумерках зажигались матовые фонари. Белое, похожее на корабль здание тоже парадно светилось огнями. Из летних ресторанов доносилась негромкая музыка. Ужин был в разгаре: все столики заняты, то и дело мелькали затянутые в белую униформу официанты.

На кортах в парке доигрывали последние партии. Хотя корты по вечерам освещались мощной подсветкой, игроки уже с трудом различали мяч на фоне пепельных густеющих сумерек. Мимо кортов проехали всадники: инструктор конного клуба и его подопечные – молодая супружеская пара.

Кони под ними были гнеды и спокойные, даже сонные. Они шли ровной неспешной рысью, бережно несли своих седоков, словно чувствуя в них непроходимых дилетантов. Инструктор повернул в глубину парка. Прислушался, улыбнулся: даже сюда от реки доносилось звонкое кваканье лягушек.

– Подождите, у меня подпруга ослабла, – обеспокоенно сказала молодая женщина инструктору и мужу, державшемуся на своем коне на полкорпуса сзади. – Ну да, я и чувствую, что-то не так. Валера, посмотрите, что у меня с седлом! – окликнула она уехавшего вперед инструктора.

Тот повернул коня, подъехал к ним и спешил. Муж женщины тоже спешил, бережно помог жене сойти на землю. Они остановились на небольшой поляне, покрытой мхом и палой хвоей, по краям заросшей молодым ельником. Позади сквозь деревья сияло огнями белое здание. Было слышно, как на корте мяч гулко и ритмично стучается о гравий.

– Ничего страшного! Квадрат, когда вы его седлали, просто надулся. Это они специально иногда вытворяют из упрямства. – Инструктор почесал гнедому коньку белую отметину на лбу и начал умело подтягивать подпругу. – Спокойно, Квадрат, стоять.

– Ах ты черт, комары заели. – Муж то и дело звонко хлопал себя ладонью по щекам и шее. – Кровопийцы.

– А скоро луна взойдет? – спросила его супруга, пытаясь разглядеть вечернее небо меж крон темных корабельных сосен.

– Давно вошла. Только нам в лесу не видно. До реки доедем – увидишь, – ответил муж.

– А тут очень даже прохладно, зря ты куртку не взял. – Женщина нежно погладила его по плечу, обтянутому серой фланелевой футболкой.

– Нормально. Я на реке еще искупаюсь.

Она хотела что-то возразить, но тут конь инструктора, привязанный в стороне, внезапно наострил уши и тихонько тревожно заржал. Инструктор, все еще возившийся с подпругой, удивленно обернулся:

– Что такое? Ты чего заволновался?

Конь, прядая ушами, тревожно косил глазом в сторону зарослей. Снова заржал.

– Возьмите повод. – Инструктор передал коня своей подопечной и подошел к своей лошади. – Да что с тобой такое? – Он потрепал его по холке. – Ну? Это же просто тень от кустов на траве. Чего ты, глупый, испугался? Ну, айда по коням. До реки путь неблизкий, – пошутил он.

До реки было рукой подать. Оттуда явственно слышался шум мотора. Видимо, какая-то веселая компания из «Соснового бора» вместо ужина решила отправиться на катере на ночной подлунный пикник.

Женщина подошла к своей лошади. Муж стоял рядом. Она уже поставила ногу в стремя, держась за седло руками, как вдруг...

Конь внезапно и резко шарахнулся в сторону, сбив мужчину. Поднялся на дыбы, панически визгливо заржал. Женщина от толчка не удержала равновесия и упала на спину. Нога ее запуталась в стремях.

– Квадрат, стоять! Стой, кому говорю! – загремел инструктор. Он пытался поймать коня за повод, но тот снова дико шарахнулся от зарослей, волоча за собой по хвое свою наездницу.

Инструктор спрыгнул на землю. И в это мгновение ему померещилось... Тень ли то была от играющего на траве лунного света или просто причудливый лесной морок – от зарос-

слей к прогалине, ведущей к реке, бесшумно и быстро что-то мелькнуло... Хрустнула ветка...

Кони захрапели, пятась задом.

– Наташа, ты не ушиблась? Не ранена?! Скажи же что-нибудь... – Мужчина, уже пришедший в себя от падения, был возле жены. Судорожно и торопливо пытался выпутать ее ногу из стремени.

– Нога... Ой, кажется, вывих, больно... – Она приподнялась на локте, глаза ее были испуганными. – Скажите, а что это было?

– Где? – Муж с помощью инструктора освободил ее. – Перелома, кажется, нет, сейчас я за врачом сбегаю.

– Нет! Не оставляй меня тут! – Она вздрогнула и вцепилась в него. – Там же кто-то был в кустах. Я же видела! Он смотрел прямо на меня!

* * *

Вечером Катя с Варварой – Варенькой – Варюшей Красновой достойно отметили и встречу, и новоселье. Придя утром на кухню, Катя взидала на остатки ночного пиршества: две пустые бутылки из-под шампанского, пакетики из-под апельсинового сока, пустая коробочка от их любимых конфет «Пьяная вишня в шоколаде».

Около половины двенадцатого ночи веселье достигло апогея, и они запели. Вот здесь, на кухне, не страшась гнева со-

седей: «Вот кто-то с горочки спустился», «Так будьте здоровы, живите богато», «Орел степной, казак лихой».

Катя улыбнулась: чудная штука гены. Можно неделями слушать дома диски Сантаны, Стинга, Сары Брайтмэн и Фредди Мэркьюри, а в теплой компании за накрытым столом все равно тебя потянет петь: «Когда весна придет, не знаю...»

У Варвары Красновой был чистый высокий голос, петь она любила и знала, в отличие от Кати, все песни с первого и до последнего куплета.

О делах служебных говорить за столом как-то не случилось. Не до того было. Да и новостей из лагеря спелеологов Катя не привезла никаких. Тот джип спутал все карты. Всех куда-то сразу унесло. Она терпеливо слонялась у палаток, поджидая эту самую Гордееву, но так и не дождалась.

Спустя час терпение ее лопнуло. Несолоно хлебавши она поплелась назад на автобусную остановку – не ночевать же там! И еще битый час ждала автобуса. Вернулась в Спас-Испольск, прошлась по магазинам: отмечать новоселье с пустыми руками нельзя.

Итак, за исключением классно проведенного вечера, командировочный день ухнул коту под хвост. Не оставалось ничего, как вернуться в ОВД и, воспользовавшись великодушным разрешением капитана Лизунова, покопаться в материалах профилактической антинаркотической операции «Мак». Чтобы было чем отчитаться за поездку.

«Мак» этот чертов проводили каждое лето, и он уже успел набить оскомину всем – и наркоторговцам, и оперативно-му составу управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УНОН), и газетчикам. При виде статьи под дежурным заголовком «Мак» наносит удар» в «Подмосковном вестнике» всех перекашивало: опять эта тягомотина!

– Да не расстраивайся ты. – Варя (она как штык вскочила в семь утра) колдовала у плиты, бухая в кипящую соленую воду вареники из картонной пачки. – Ну, не удалось узнать, и что? Начальство тебя за это не съест. Да тут и никто пока ничего не знает. Розыски в тупике. Трупов – и тех нет.

– Может быть, они просто не там их ищут? – предположила Катя, моя посуду. – Кероян ведь мне говорил: в эти ваши Съяны много входов.

– Поблизости от Большого провала нашли их машину. Логичнее всего предположить, что они доехали на ней и спустились в каменоломни именно в этом месте.

– Да, это логичнее всего, – согласилась Катя. – И все же я никак не пойму: зачем им вообще понадобилось это?

– Ну а зачем люди с парашютами прыгают? Зачем подводным плаванием занимаются, экстремальным альпинизмом? – Варя шумовкой вылавливала вареники. – Так и путешествие в наши катакомбы. Выброс адреналина в кровь. К тому же в «Пчеле», ты же слышала, как раз в тот вечер и затевалось что-то в этом духе – вечеринка ужасов. И все же темное это дело. Месяц прошел, и ничего пока не ясно. А ты

хочешь по-репортерски, наскоком, за два часа все узнать.

– Да, одного дня для ваших тайн маловато, – согласилась Катя. – А вареники вкусные, совсем как домашние.

– Завтракаем и на автобус. Мне к половине десятого в наркологический диспансер. Дело уголовное волочь. Пререкаев, змей, наркологию в сотый раз проходит. Господи, я уже со счета с ним сбилась. А ты в отделе останешься?

– Придется.

– Ну, значит, увидимся еще или созвонимся, в справочнике номер наркологического диспансера посмотришь. Я вечером Катюшку у мамы заберу. Может, ты еще на денек у нас останешься? Она так рада будет.

Но Катя отказалась. Командировка у нее оформлена на один день, и так уж пришлось задержаться.

В ОВД после ознакомления со скучнейшими материалами «Мака» она заглянула к Лизунову, попрощалась, поблагодарила, тепло по телефону попрощалась с Варей и пошла на автобусную остановку.

Было всего-навсего четверть одиннадцатого. Небо затянули тучи, сильно парило. Воздух был тяжелым и влажным. Подошел автобус... семнадцатый номер. Катя секунду колебалась. А, была не была! Может, сегодня ей с этой неуловимой Гордеевой повезет больше.

В лагере на этот раз жизнь так и била ключом. Под навесом дымилась печь полевой кухни. Там крутились дежурные поварихи, с грохотом расставляя на дощатом столе походные

железные миски.

– Сейчас пятнадцатый маршрут вернется, а гу-ляш не готов! Что Женя сказала? – спросила одна из них другую.

– Передали: вроде четвертый уровень прошли. Но это же три часа назад было, – ее подруга озабоченно глянула на наручные «Командирские» часы.

Катя снова чинно официально представилась и спросила, где она может повидать Алину Гордееву.

– Нигде пока. Они внизу, в штольне. Скоро должны вернуться. Если хотите, вон Майя вас проводит. Майка, ну как там у наших дела? – зычно окликнула повариха девушку в брезентовой куртке, камуфлированном комбинезоне и каске, какие обычно носят строители.

Девушка сноровисто рылась в ящике под навесом, где в пластиковых пакетах лежали аккуратно свернутые кольцом толстые капроновые веревки. К поясу девушки была приторочена мобильная рация, она была включена. Оттуда доносились треск и щелчки.

– Свирия ногу, кажется, повредила, поскользнулась на глине. Швед передал, чтобы мы на выходе с пятнадцатого ждали, и еще одну веревку попросил страховочную. Если она подняться сама не сможет, придется на подъемнике вытаскивать. – Девушка наконец отыскала нужный пакет. – А это еще кто? – небрежно кивнула она на Катю.

– Из милиции, говорит, к нам. Гордееву хочет видеть.

– Вы не могли бы меня проводить в эту вашу штольню? –

вежливо и холодно спросила Катя.

Девушка в каске хмыкнула, быстро оглядела ее с головы до ног.

– Ну, даешь ты, в штольню проводить... Ладно, пойдем, если не боишься. Наши все равно возвращаются.

Катя ожидала увидеть этот самый таинственный Большой провал в образе ну, скажем, пещеры, на манер тех, что показывают туристам в Пятигорске или в Крыму. Сумрачные гранитные своды над головой, заросший зеленью вход, стаи летучих мышей, сталактиты и сталагмиты, стук падающих капель. Эх...

В такой пещере искал свой клад Том Сойер, а в черных зияющих провалах скрывался кровожадный индеец Джо.

Но все выглядело совсем-совсем не так. За палатками их ждал старенький мотоцикл с коляской.

– Звездануться не боишься? – лихо хмыкнула девушка в каске.

– Звездануться не боюсь. Сериалы смотришь? Мент ничего никогда не боится, – назидательно ответила Катя и села позади нее на потрескавшееся сиденье. – Правда, я уважаю цивилизованную езду.

От прыжков по ухабам, пока они не выехали на шоссе, у нее зуб на зуб не попадал. По полю, мимо дуба, по шоссе, миновали ферму. За ней началось картофельное поле. На самом краю его Катя увидела группу людей. Мелькали знакомые оранжевые каски.

– Тут дальше не проехать, в борозде увязнем. Берите, дорогуша, ножки в руки. – Девушка заглушила мотор мотоцикла и обворожительно улыбнулась Кате. – А на будущее – совет: если снова к нам заглянете... Короче, если заскочишь на огонек, выбирай вот такие шузы, – она горделиво ткнула на свои шнурованные ботинки на толстой подошве. – А не эти свои итальянские финтифлюшки.

Катя с печалью в сердце смотрела на свои новые босоножки: прозрачный каблук, ремешки-перепонки – все было заляпано землей.

– А я думала, этот Большой провал – пещера, – сказала она, шагая за своей провожатой.

– А это просто дыра. Только это не Большой провал.

– Другой вход? – Катя нахмурилась: надо же. – А где же Большой провал?

– Там, – Майя махнула в сторону лагеря. – Километра полтора к северу.

– А почему же мы тогда идем?..

– Майка, давай быстрее, шевелись! Швед передал – они уже на подходе. – На кромке поля копошились трое – все в касках, в измазанных землей брезентовых куртках и резиновых сапогах. Но все – существа женского пола. Катя узнала ту самую девушку, которая так нелюбезно разговаривала с ней вчера у палаток. В руке она тоже держала рацию.

– Как там Свири? Держится? – озабоченно спросила Майя, на ходу разрывая пакет и начиная осторожно разма-

тивать веревку.

– Ничего, сама идет. Швед сказал: вроде что-то есть. Но связь плохая! Слышимость просто никакая.

И Катя наконец узрела «провал», или, как это еще называли, «штольню». Просто на обочине поля была поляна. На ней – пень. Давным-давно здесь грозой с корнем вывернуло старую ель. Ливни размыли глину, часть грунта просела. И теперь в земле зияла узкая черная дыра-лаз. Настолько узкая, что взрослому, пожалуй, и не протиснуться.

У Кати мурашки побежали по телу. Глина по краям лаза была сырой, тут и там торчали узловатые корни, а кое-где копошились жирные розовые дождевые черви. «Штольня» напоминала гигантский кротовый ход, уходивший вниз под углом в сорок пять градусов. Оттуда несло сыростью, плесенью и гнилью, как из потревоженной могилы. Нет, свое первое знакомство со Съянами Катя представляла себе совсем не так.

– Снова вы к нам? – молодая женщина, с которой Катя беседовала накануне, тоже, подобно Майе, смирила ее с ног до головы насмешливым взглядом. – А вы настойчивая. Ну что ж, раз приехали – оставайтесь пока что.

Тут в рации у нее что-то шелкнуло, зашипело, раздались обрывки какой-то фразы.

– Да, да, Швед, слышим тебя! Мы уже готовы! Они идут, – объявила она своим. – Свирия идет первая, замыкающий Швед.

Они все смотрели напряженно вниз. Майя, сделав на веревке скользящую петлю, опустила ее в провал. «Глубоко, – подумала Катя, следя, как исчезает веревка метр за метром. – Очень глубоко там».

Было так странно видеть эту внезапно разверзшуюся посреди обычного подмосковного поля пропасть...

Прошло минут десять томительного ожидания. И вот внизу мелькнул свет – ближе, ярче. Впоследствии Катя узнала, что так ярко горят в подземной тьме портативные карбидные лампы. Послышался шорох осыпающейся глины. Майя бросила вниз вторую веревку. Снизу ее тут же кто-то потянул, сильно дернул, словно проверяя на крепость.

– Свирия, слышишь меня? Здесь закрепить не за что! – крикнула Майя в провал, пнула ногой трухлявый пенёк. – Поднимайся осторожнее! Мы все тебя страхуем!

Четверо женщин крепко ухватились за веревку. Катя – от волнения и любопытства она затаила дыхание – опустилась на колени, низко склоняясь над «штольной». Она увидела, как по веревке, ловко подтягиваясь на руках, поднимается человек – оранжевая каска и брезентовый комбинезон его были сплошь покрыты жидкой бурой глиной.

Трое спасательниц по-прежнему страховали веревку, а Майя подхватила подругу под руки, но та была тяжелой. Катя кинулась помогать. Вдвоем они вытащили девушку из провала.

– Приветик. – Она тяжело и часто дышала. – Ну и переход!

Один раз едва назад не повернули! Зато, кажется, не зря этот пятнадцатый маршрут проверили.

Из провала тем временем показалась еще одна каска, потом еще одна – друг за другом по веревке поднялись две женщины, с ног до головы тоже облепленные глиной.

– Швед, давай! – крикнула одна из них. Голос показался Кате знакомым.

Напряженная минута – и еще одна оранжевая каска. Ближе, ближе. Швед выкарабкался из земли сам, правда, едва не застрял.

Катя разглядывала их разгоряченные, испачканные глиной лица. Швед достал из-за пазухи пачку сигарет, закурил, жадно затягиваясь. Пачка тут же пошла по рукам. Кто-то сунул ее и Кате. Она не курила. Но отказаться сейчас значило снова обособиться от них, стать чужой. А ведь лед чуть-чуть уже был сломан, когда она помогла вытащить эту спасательницу со смешным именем Свиря.

Кто-то поднес ей зажигалку. Катя подняла глаза: перепачканное глиной женское лицо, надвинутая на лоб каска, из-под которой выбивались каштановые волосы.

Женщина с наслаждением выдохнула дым.

– Швед, ну не томи, что вы там нашли? – Майя так и светила от нетерпения. – Кого-нибудь из них?

Вместо ответа Швед расстегнул надетую через плечо туго набитую брезентовую сумку. Осторожно выложил это на траву. Все склонились над находкой. Катя внезапно снова

почувствовала, как по спине поползли мурашки.

Это были клочья мужской клетчатой рубахи. Они тоже были испачканы глиной. Но там, на ткани, было и еще что-то. Катя протянула руку, дотронулась и тут же отдернула, словно обожглась. Клетчатая тряпка была обильно пропитана засохшей кровью.

Глава 5

НЕОБХОДИМЫЕ ФОРМАЛЬНОСТИ

День следующий Катя потратила на консультации с начальством и оформление новой, на этот раз многодневной командировки в Спас-Испольск. О находке в «штольне» в главке уже было известно. На место (кстати, по настоянию Кати – она сразу же решила перевести все дальнейшие события в официальное русло, представившись в который уж раз и предъявив спелеологам служебное удостоверение) была срочно вызвана опергруппа из Спас-Испольского ОВД. Правда, в составе ее приехали только двое – местный участковый и оперуполномоченный Кероян.

Но Кероян, едва увидев измазанные глиной и еще чем-то бурым остатки рубашки, тут же объявил, что он изымает вещдок и направляет его на экспертизу. Проведенные в тот же вечер исследования выявили на ткани следы крови первой группы. Проверка данных в местной поликлинике подтвердила, что у Славина как раз и была кровь первой группы.

– Да, странный случай, – задумчиво заметил начальник пресс-центра, выслушав пылкий Катин рассказ. – И ничего хорошего я от него в дальнейшем не жду. Ребята мертвы, это уже вне всякого сомнения. Вот только что с ними стряслось?

Ты на месте была – на что похожи эти Съяны?

Катя пожала плечами.

– На нору, которую вырыл гигантский крот. Но это лишь один из многих входов, ведущих туда, вниз.

Она вспомнила, как Алина Гордеева (они наконец-то общались с начальником спелеологической экспедиции прямо там, у входа в «штольную», и встреча эта, надо сказать, произвела на Катю двойное впечатление), перемазанная глиной с ног до головы, уставшая, на ее наивный корреспондентский вопрос: «На что похожи Съяны?» – пробормотала, чертыхаясь, что-то насчет «паутины». Мол, там, внизу под нами, представьте себе паутину ходов, штолен, провалов, шахт, камер, тупиков и пещер. Настоящий лабиринт на нескольких уровнях, местами уходящий глубоко в недра, а местами поднимающийся к поверхности.

– Четверть века работаю в Подмосковье, вроде все тут как свои пять пальцев знаю, а про эти каменоломни почти ничего раньше не слышал, – начальник пресс-центра хмурился. – Подземелье это, слава богу, никогда особых хлопот не доставляло. Это не красковские карьеры, где каждое лето – утопленник, не шатурские болота-торфяники, что каждый год горят. И вот поди ж ты – и Спас-Испольск в экстремальный список теперь попал... Значит, снова хочешь туда поехать?

– Если поисковые мероприятия дадут хоть какой-нибудь положительный результат, хороший материал получит-

ся. Милиция в катакомбах, насколько мне известно, пока еще расследований не вела. – Катя невесело усмехнулась.

– Завтра думаешь туда поехать?

– Да, с утра пораньше, первым же автобусом, прямо до лодочной станции с пересадкой. Теперь там активизировали поисковые мероприятия – прочесывание местности, ну и остальное. Ведь если предположить, что найдены действительно фрагменты одежды Славина, то... Это ведь в полутора километрах от того места, где они оставили машину!

– Приезжай лучше к половине восьмого сюда, в главк, – сказал начальник пресс-центра и поднял трубку телефона. – Я сейчас с управлением розыска свяжусь. Узнаю, кто у них завтра туда собирается. Они и эксперта с Варшавки берут.

– А Колосов Никита Михайлович туда не собирался? – осторожно осведомилась Катя.

– Нет, по-моему. Он по тройному убийству в Балашихе работает, ты же его знаешь – он выезжает только на убийства, причем на такие, как говорится, высшей категории. А здесь еще бабушка надвое сказала. Скорее всего это все же несчастный случай. Правда, эта вещь со следами крови...

Катя вспомнила клетчатую тряпку в руках Гордеевой. Как они на том картофельном поле смотрели друг на друга! Как было тихо кругом. Какой непроницаемой, зловеще-молчаливой была опушка леса. Каким холодом веяло из «штольни», этой мрачной темной норы у них под ногами.

– Эти спелеологи... Они не говорили, где именно они об-

наружили улику? – помолчав, спросил начальник пресс-центра.

– Сказали, что в течение двух с половиной недель осматривали Большой провал и ведущие от него в глубь подземелья ходы. Не обнаружили никаких следов, указывающих на пребывание там ребят. Начали топографическую съемку местности, разбив каждый подземный сектор на участки. Гордеева... – Тут Катя слегка запнулась – Ох и необычный у этих спелов начальник! Сказала: поиск крайне затруднен. Там целый лабиринт. В то утро они как раз проверяли один из маршрутов, под номером пятнадцать. В одном месте попали в осыпь, пришлось свернуть в боковой ход. Одна из спасательниц подвернула ногу. Они сделали привал в какой-то небольшой пещере, начали оказывать ей помощь. Там Швед и обнаружил окровавленные остатки рубашки.

– Кто это Швед?

– Их проводник по Съянам. Местный. Больше пока о нем никакой информацией не располагаю.

– А ты говоришь – эти спелеологи все сплошь женщины? И начальник у них тоже женщина?

Катя вспомнила, что ей вчера наскоро и чисто официально рассказала Гордеева.

– Они все из Питера, студентки и аспирантки Горного института. Все уже по несколько лет занимаются в институтском спелеологическом клубе. Гордеева – кандидат математических наук, доцент, преподает там же. Мастер спорта.

Несколько лет возглавляет женское отделение клуба. Она пояснила, что они решили отделиться от мужской секции – из-за разницы в нагрузках, в степенях сложности.

Опыт работы под землей у них солидный, особенно в Саблинских катакомбах, что под Питером. Они туда несколько лет подряд на полевые сезоны выезжали. По словам Гордеевой, у каждого типа спелеологии есть своя жесткая специфика. Они основательно изучали специфику Саблинских катакомб, а это совсем не то, что специфика карстовых пещер, например крымских. Думаю, именно поэтому их и нанял для поисков отец пропавшей Веры Островских.

Начальник пресс-центра глянул на Катю.

– Ты уже, смотрю, освоилась с проблемой. С терминами уже совсем на «ты».

– Я просто постаралась их как можно подробнее расспросить. Правда, кроме терминов и краткого экскурса, Гордеева мало что мне рассказала интересного. Они там здорово вымотались под землей. На ногах еле держались от усталости.

– Ну что ж, поезжай в Спас-Испольск. – Начальник пресс-центра придвинул бланк Катиной командировки и размашисто подписал. – Появятся новости – сразу же звони. Я телевизионщиков подошлю. Если какая помощь будет нужна, тоже дай знать. Кстати, как там тебя приняли?

– Отлично. – Катя вспомнила Краснову и их полуночные песни. – У меня там подруга работает. Следовательно. Я у нее остановлюсь.

– У тебя везде друзья-приятели. Легкий, контактный ты человек, Екатерина. Муж-то отпускает так надолго?

– Отдыхает. В отпуске он. – Катя чуть не хлопнула себя по лбу: эх, не забыть бы позвонить прямо сейчас в столичный географический клуб. Пусть свяжутся со своим представителем в Анталье и передадут Мещерскому и Кравченко, где ее искать. А то Вадьку удар хватит, если он, по своему обыкновению, позвонит ей среди ночи (так дешевле тариф) и не застанет дома.

Глава 6

НЕОПОЗНАННЫЙ

О том, насколько сокращают дальнюю дорогу первоклассная машина и болтливые попутчики, Катя получила представление, сев в новехонький «Форд» управления розыска. В Спас-Испольск на «оказание методической и практической помощи местным сотрудникам в организации поисковых мероприятий» были отражены двое сыщиков из отдела по розыску без вести пропавших и эксперт.

Троица всю дорогу травила анекдоты как заводная. Некоторые были малоприличными. А один-два ну уж совсем ни в какие ворота. На дерзкого рассказчика притворно зашикали, с интересом косясь на Катю. Но та дипломатично промолчала. Опера на секунду привяли, но затем снова начали щеголять специфически-милицейским чувством юмора.

А в результате путь в Спас-Испольск пролетел незаметно. В ОВД пахло грандиозным авралом. Катя сразу поняла это по количеству патрульных машин во дворе и сотрудников в форме и без оной.

В душе она немножко гордилась тем, что именно ее сообщение о найденной спелеологами улике, возможно, и стало причиной этой второй волны поисков. Но...

Со дня исчезновения людей прошел месяц. А заблудив-

шиеся в подземелье – Катя теперь была в этом просто уверена – не смогли бы протянуть и недели. И весь этот поисковый ажиотаж и служебное рвение были направлены лишь на то, чтобы найти мертвые тела или то, что от них осталось.

Катю (на этот раз уже в составе рабочей группы главка) снова принял капитан Лизунов, и. о. начальника. На столе у него была расстелена крупномасштабная карта района, наминавшая карту военных действий, так все там было испещрено отметками и стрелками. Поиски, видимо, на этот раз охватывали значительную территорию.

– А сами катакомбы планируете осматривать или только так, поверху будете местность прочесывать? – недоверчиво осведомился эксперт, разглядывая карту.

Лизунов раздраженно буркнул о «неплохих контактах с отрядом спасателей». Катя вздохнула: после того как она увидела один из входов в Съяны, ей очень трудно было представить, что милиция ведет в этих подземных норах самостоятельные поиски.

– Ну, нам прямо на место лучше сейчас подъехать. – Лизунову явно не терпелось спихнуть проверяющих из главка куда-нибудь подальше, к черту на кулички. Он свернул карту и взял ее с собой.

Они оставили «Форд» во дворе ОВД, пересели в старую «Волгу» Лизунова и снова тронулись в путь. Катя отметила, что Лизунов отчего-то начинает демонстрировать им масштаб поисковых мероприятий с весьма удаленных от реки и

лагеря спелеологов участков. «Странно, – думала она. – Мы вроде бы совсем в противоположную сторону едем. Ну да, вот тут я на автобусе проезжала, когда в Москву возвращалась».

Местность и здесь была вполне обжитая: дачный поселок Прохоровка, лесоторговая база, бензоколонка, магазин стройматериалов. На поле за бензоколонкой Катя увидела сотрудников милиции. Они стояли, разглядывая что-то у себя под ногами.

– А почему вы здесь поиски ведете? – спросила она Лизунова, выходя следом за ним из машины.

Тот что-то сосредоточенно изучал на карте.

– Пытаемся охватить все известные входы в каменоломни, – ответил он.

– Как, и здесь тоже вход? Но это же очень далеко от...

– С местными говорили, так около двадцати семи провалов насчитали. Это только те, что всем у нас в округе хорошо известны. А сколько дыр мы еще не знаем – в лесу, в оврагах, на берегу реки. Тут на площади нескольких десятков километров под нами, – Лизунов топнул ногой, – все изрыто. Камень тут у нас веками добывали, чтоб вашу Москву строить. – Он нагнулся и поднял с земли какой-то камешек.

Катя увидела белый неровный осколок. Что это? Песчаник? Известняк? В геологии она, как и в спелеологии, не разбиралась. Тем временем они приблизились к сотрудникам милиции. Те сгруппировались вокруг ямы, зияющей прямо посре-

ди поля. Один из милиционеров опустил в яму какой-то груз на веревке.

– Нет, тут вода на дне. – Он дернул веревку, медленно, с усилием вытаскивая ее назад.

Катя увидела старое пожарное ведро, до краев заполненное бурой глинистой водой.

– Затоплено тут все внизу. – Лизунов что-то с облегчением черкнул на своей карте. – Так, значит, тут сворачиваемся. Переезжайте на сорок второй километр. Туда, где у нас...

Он не договорил. В отделовской «Волге» заработала рация. Водитель позвал Лизунова.

– Что там еще стряслось? – Лизунов повернул к машине.

Катя, запыхавшись, тоже подошла к «Волге», но смогла услышать лишь брошенную Лизуновым в микрофон последнюю фразу:

– Сейчас выезжаю. Ничего там без меня пока не трогайте. Я и эксперта привезу, звоните в прокуратуру, вызывайте следователя. – Он повернул к ним свое покрытое капельками пота мальчишеское лицо. – Садитесь в машину. Быстрее! Кажется... кажется, одного из них мы нашли.

Место, куда он их привез, Катя видела впервые, хотя... Позже она поняла, что это место находится всего в километре от того самого белого, похожего на корабль здания, которое так ей понравилось. Здания, где располагался центральный корпус знаменитого в столице и Подмосковье Центра отдыха и развлечений «Сосновый бор». Просто сейчас они

подъехали к территории комплекса не по магистрали со стороны главного въезда, а с тыла, по проселочной дороге, рассекавшей надвое обширный хвойный лесной массив, начинавшийся сразу же за огороженной территорией парка.

Окрестности были живописными, но довольно безлюдными: опушка леса, поле клевера, холмы, а между ними петляла заболоченная речушка.

Вместо шоссе здесь была бетонка – старая, разбитая дождями, нуждающаяся в ремонте. Над речкой горбатился старый мост, по которому могла проехать только одна машина.

Но сейчас на въезде на мост и у обочины стояли три машины – дежурный «УАЗ» и двое «Жигулей» ППС. У одной была не выключена мигалка. Катя завороженно следила за ее беззвучными синими сполохами. На душе у нее отчего-то стало тревожно, беспокойно. Она медлила выходить. Лизунов, сыщики, эксперт давно уже вышли, а она...

Во что через месяц превращается мертвая плоть, она знала, увы, не по учебникам судебной медицины. Ей доводилось видеть смерть в разных ее проявлениях, порой очень неприглядных, однако...

– Значит, одному из них все же как-то удалось выбраться наружу? – услышала она взволнованный вопрос Лизунова.

А кто-то снизу, из-под моста, с топкого берега речонки, громко ответил ему:

– Спускайтесь сюда. Лучше взгляните на это сами.

Голос был Кате знаком: хриловатый, меланхоличный, с

едва уловимым кавказским акцентом. Голос оперуполномоченного Керояна.

Берега речки под мостом густо заросли ивняком и камышами. Среди камышей Катя увидела Керояна, других сотрудников милиции, Лизунова, эксперта, а еще она увидела...

Мужчина, одетый в черные брюки и кожаную черную куртку, лежал ничком, уткнувшись лицом в болотный ил. Ноги его были наполовину в воде.

– Выходит, ему все же удалось оттуда выбраться, – повторил Лизунов. – Это, наверное, Славин?

Кероян нагнулся к труп. Осторожно за волосы повернул к себе измазанное илом мертвое лицо.

– Это не Славин, – сказал он. – Тот рыжеватый блондин, а этот... И потом, взгляните сами: разве этому дашь двадцать пять лет?

На них смотрело лицо сорокалетнего мужчины. Мертвое, искаженное гримасой удивления и боли.

Глава 7

«ПЧЕЛА» – ЗНАКОМСТВА НАЧИНАЮТСЯ

Там, около моста, Катя провела первые полтора часа осмотра. Далее оставаться на месте происшествия было бессмысленно. И вместе с одной из машин ДПС, спешно вызванной в отдел, она вернулась в город. В отделе ее встретила странная после утренней сутолоки тишина. Бурной жизнью по-прежнему жила лишь дежурная часть – там переговаривались рации, звонил телефон, мигали экранами компьютеры. Но становилось ясно: поисковые мероприятия после обнаружения неопознанного и явно криминального трупа постепенно сворачиваются. Все силы брошены теперь на это новое и неожиданное место происшествия.

Тихо было и в следственном отделе, однако отнюдь не безлюдно. Следователей никогда не привлекали к подобным операциям. У них и своих дел невпроворот. Катя заглянула в семнадцатый кабинет, горя желанием поделиться с Красновой сенсационными новостями. Но Краснова была занята: проводила очную ставку. В тесном кабинетике-мышеловке не повернуться было от обилия участников следственного действия: несовершеннолетних обвиняемых, их адвокатов и родителей.

Катя прикрыла дверь – что ж, подождем, когда Варвара-краса освободится. Села на клеенчатое кресло. Она терпеть не могла идиотские кресла с откидными, громоподобно хлопающими, как в старых кинотеатрах, сиденьями. Они были жесткими, холодными и адски неудобными.

– Девушка, а тут что у них, обеденный перерыв? С каких до каких, не знаете?

Катя подняла глаза. Молодой человек. Очень симпатичный. Очень даже. Лет двадцати семи. Высокий, спортивный, широкоплечий блондин. Загорелый, гладковыбритый. В белой куртке «на шнурках» с капюшоном и таких же белых «на шнурках» хлопковых брюках. Яркий, стильный, модный молодой человек. Весьма экзотически смотревшийся на фоне выкрашенных серой краской милицейских стен и старинного стенда «Спортивные состязания по самбо, стендовой стрельбе и рукопашному бою».

– Обед здесь еще и не начинался. – Катя разглядывала молодого человека. Тот, видимо, привык воспринимать женские взгляды как должное. Поэтому несколько не смутился.

– А что ж тут такая тишина-то гробовая? Все закрыто?

– Идет какая-то поисковая операция. При этих словах Кати – равнодушно-притворных – парень насторожился.

– А вы, девушка, здесь работаете?

– Нет. – Катя сказала чистую правду: она не работала в Спас-Испольском ОВД. – А вы, наверное, в ОВИР или в паспортный стол? Так это не сюда, это в пристройку во дворе.

А здесь следственный отдел. У них.

Молодой человек резво обернулся на дверь семнадцатого кабинета.

– Следственный? Мне-то, наверное, лучше в розыск... А вы сюда? Неужели вы к следователю сидите?

– Сидят к зубному врачу, молодой человек, – назидательно отбрила Катя.

Он усмехнулся.

– Жаль, что вы тут не работаете. И спросить-то не у кого. – Он оглядел коридор. – Дежурный внизу как барбос. Я его русским языком спрашиваю, а он...

– Я журналист. А вы по какому вопросу?

– Да справку хотел получить, ну, информацию... В городе говорят... Тут у нас несчастье, может, слышали уже? Несчастный случай, наши в Съянах пропали. А тут слух по городу: милиция, мол, что-то там нашла. Я на работе узнал, вроде спасатели нашли что-то там... Я и хотел узнать, точнее, меня попросили узнать...

– А я сюда как раз по этому делу приехала. – Катя внимательно смотрела на парня. Он теперь как-то странно суетился. – Наша редакция, редакция «Подмосковного вестника», очень внимательно следит за ходом поисков ребят. Между прочим, при мне позавчера спелеологи нашли...

– Что они нашли?

Катя смотрела на собеседника. То, что из каменоломен извлечены клочья окровавленной мужской рубашки, давно уже

в городке не тайна. Сами спелеологи вряд ли об этом молчать станут, так что...

– А вас как зовут? – спросила она тихо. – Меня Екатерина.

– Антон. Новосельский Антон. – Он присел рядом с ней. – А знаете что... Время сейчас как раз подкрепиться. Могу я вас, Екатериночка, пригласить выпить чашку кофе? Тут недалеко есть одно неплохое местечко.

Смысл фразы был один, тон Новосельского другой. Со всем не таким тоном парень приглашает понравившуюся ему девушку в кафе на чашку кофе. И тем не менее Катя...

– А что за место? – спросила она по-репортерски развязно.

– Наши вечерами тусуются, а днем там неплохо кормят. Тут близко, да у меня машина.

Его машина стояла у соседнего с ОВД здания вечерней (точнее, бывшей вечерней) школы. Катя скверно разбиралась в иномарках, но даже ей стало ясно, что перед ней «БМВ» серый металлик, причем очень и очень подержанный.

– Крутая машинка, лет двадцать назад самый шик, – пошутила она.

– Ничего, бегают.

Они пересекли площадь, свернули на Садовую улицу и заглушили старый, но по-прежнему мощный мотор «БМВ» у нового здания из красного кирпича. Дом напоминал немецкий: высокая черепичная крыша, зеркальные стекла,

подстриженный газон. Над дубовой входной дверью красовалась кованая вывеска: пчела на краю пивной кружки. Здание чем-то перекликалось с теми, которые Катя видела на краю поля для гольфа. Оно причудливо и вместе с тем очень красиво смотрелось в тени старых лип Садовой улицы, заполненной унылыми пятиэтажками.

– Так это и есть... «Пчела»? – спросила Катя.

– Да. Сносный бар. А вы тут что, уже бывали?

– Нет, не приходилось. Но про «Пчелу» кое-что уже слышала.

Он быстро, тревожно глянул на нее, открыл дверцу машины, высадил Катю и включил сигнализацию.

В баре было сумрачно и пусто. Крепко пахло хорошим свежемолотым кофе и пивом. Из динамиков лилась негромкая музыка. Единственное, что неприятно поразило Катю, обилие разных сушеных насекомых! Владелец «Пчелы» явно помешался на энтомологии. Все стены были сплошь завешаны панно с коллекциями бабочек, стрекоз, жуков и даже гигантских пальмовых тараканов.

Под потолком висели светильники-пчелы из золоченой проволоки. Но от чего Кате просто стало дурно, так это от огромного волосатого паука в центре пластиковой паутины, зловеще затянувшей потолок бара и углы над барной стойкой.

– Ой, – вырвалось у Кати. – Ну и декор они тут себе соорудили.

Новосельский рассеянно улыбнулся. Отошел к стойке, вернулся с пачкой сигарет и пепельницей. Через две минуты официантка в черно-желтом «пчелином» сарафанчике-мини принесла им черный кофе для Кати и бокал пива для Новосельского.

– Знаете, Антоша, на наивного человека вы совсем не похожи. – Катя смерила своего нового знакомого взглядом с ног до головы, словно в магазине готового платья собиралась выбрать ему брюки по росту, и отпила глоток кофе. Горько. – Неужели вы серьезно решили, что они вам так и выложат, что там нашли?

– Но в городе все говорят... Все-таки вы же там были, ты же была там. – Он незаметно перешел на «ты» – они ведь с Катей почти ровесники. – Что там спасатели нашли?

– Остатки мужской рубашки. Клетчатой. А ты... ты кого-нибудь из них знал? Это были твои друзья, знакомые?

– Знакомый. Андрей Славин. Мы с ним по двору соседи были. И вместе еще со школы в баскетбольной секции...

– Со Славиним? – Катя изучала его лицо. – А у него могла быть рубашка типа ковбойки?

– Ну, не знаю. Наверное. Да, кажется, была, припоминаю, точно была. Теплая такая, как куртка, красная «американка».

Катя напрягла память: нет, ткань, найденная в подземелье, на «американку» вроде не походила. Но там все так залеплено глиной, залито кровью...

– Ты не в курсе, зачем это Славин и девушки отправились в каменоломни?

– Понятия не имею. Меня не было в городе. Я только третьего вернулся.

– А в милиции тебе бы не поверили.

– Это почему? – Он поперхнулся пивом.

– Ну, трое людей без вести пропали при неизвестных обстоятельствах. Заблудились, погибли, а может быть, – Катя выдержала крохотную коварную паузу, – были кем-то на тот свет отправлены – убиты. И вдруг тут в милицию заявляешь ты и начинаешь настойчиво интересоваться, что там нашли, какую улику.

– Убиты?!

Катя смотрела на Новосельского. Эти клочья окровавленной рубашки... А сегодняшние поиски дали результат еще хлеще – труп неизвестного...

– Все возможно, Антон, – сказала она уклончиво. – Правда, пока все, с кем мне удалось переговорить, склоняются к мысли, что это трагический несчастный случай.

Новосельский закурил.

– Их даже не хоронят, – сказал он. – Столько дней прошло уже, а не хоронят. Тел-то нет. У нас некролог начали на Андриюху писать и...

– А ты, что ли, и работал вместе со Славиным?

– Да. – Новосельский сильно затянулся дымом.

Катя вспомнила: Кероян говорил, что Славин работал в

местном банке.

– Ты здесь вырос? – спросила она.

– Да, а что?

– Ну а когда мальчишками были, неужели не заглядывали в эти ваши Съяны? В жизни не поверю.

– Ну, лазили, конечно. Меня, правда, туда не особо тянуло. Я вообще темноту не переношу. – Новосельский передернул широкими плечами.

– А Славин? Он знал пещеры?

– Ну, не так чтобы очень... Да тут многие местные их знают. Андрюха, помню, однажды, давно это было, еще в институте учились, хвалился, что после одной студенческой пьянки они с пацанами туда отправились и проснулись в какой-то незнакомой пещере, где на стене копотью было написано: «В Кисели».

– А это что такое? Кисели?

– Это комплекс каменоломен на том берегу реки. Ходят слухи, будто наши Съяны и они где-то под землей соединяются трубой. Но это вранье все, я этому не верю.

– Выходит, Славин все же был знаком с подземельем? Наверное, он и повел туда девушек. Вряд ли бы они без него на такое осмелились.

Новосельский глянул на Катю. И ничего не сказал.

– Но как же вышло, что они там заблудились? Он молча пожал плечами.

– Я слыхала, в этой «Пчеле», – Катя оглядела пустой бар, –

в тот вечер была какая-то вечеринка по случаю Вальпургиевой ночи. — Она задержала взгляд на пауке над барной стойкой.

Новосельский снова пожал плечами.

— Ах да, тебя же не было в городе, Антон. — Она лучезарно улыбнулась, опрокинула пустую кофейную чашку, словно гадая на кофейной гуще. — А в милиции, если снова решишься наводить справки, тебя, учти, непременно спросят: а где вы были, молодой человек, в ночь с тридцатого апреля на первое мая?

Он криво усмехнулся.

— Кофе ничего, крепкий. Тебя, Екатерина, до станции подвезти?

— Нет, спасибо. — Катя придала лицу самое легкомысленное выражение, сдернула со стола сумочку. — Я у вас тут немножко погощу. Занятный городок. Радужные, гостеприимные жители, галантные молодые люди, светские развлечения в Вальпургиеву ночь, поля для гольфа... Антон, а здесь бывают дискотеки?

— По пятницам, субботам и воскресеньям.

— Ну, значит, еще увидимся. За кофе — гран мерси. Ари-ведерчи.

Глава 8

«СМЕРТЬ НАСТУПИЛА ПРИМЕРНО В...»

В этот Спас-Испольск (глаза б на него не глядели!) начальник отдела убийств Никита Колосов отправился, что называется, из-под палки: по категорическому приказу вышестоящего руководства. Еще накануне заниматься найденным там жмуриком и поднявшейся после его обнаружения бузой он для себя лично не планировал. У отдела убийств и так забот хватало: три дня назад было наконец-то (после долгих, ох каких долгих мытарств) раскрыто тройное убийство азербайджанцев в Балашихе. Один из подозреваемых – трижды судимый, совершивший свой последний побег из СИЗО Петропавловска-Камчатского, – уже сидел в камере следственного изолятора. Полным ходом шла его детальная разработка. Рапорты негласных осведомителей каждый божий день ложились на стол начальника отдела убийств. Дело клеилось все сильнее, назревала необходимость откомандировать сотрудников розыска в Волгоградскую область для задержания остальных членов банды.

А тут на тебе – звонок шефа, приказ – и бросай все за здорово живешь, мчись в Спас-Испольск, на эту подмосковную Ривьеру, в царство охраняемых загородных вилл, пятизвез-

дочных отелей, домов отдыха ВИП, бань, саун, тихих фешенебельных ресторанов, теннисных кортов и полей для гольфа.

За два последних года, насколько Колосову было известно, в этом районе не произошло ничего серьезного. И это было великой редкостью для Подмосковья. Правда, все же и там случались неприятные кровянки. Одно убийство там так и осталось нераскрытым, но в остальном всю криминальную картинку составляла обычная, набившая оскомину «противоправная деятельность на почве неумеренного потребления алкоголя». Правда, в Спас-Ипольске время от времени появлялась и наркота, и даже в очень крупных размерах. Но с этим Пылесос боролся нещадно.

Пылесос – было прозвище капитана милиции Аркадия Лизунова, данное ему еще сослуживцами по сводному отряду, принимавшему участие в чеченской кампании. Лизунов на войне был бойцом и командиром храбрым. А иногда безрассудно, патологически бесстрашным. И там, на войне, считался сторонником «повальных антитеррористических мероприятий». «Повальный» метод он с успехом начал применять и в родном Спас-Ипольске, где в свои двадцать девять стал начальником криминальной милиции и даже изредка по праздникам исполнял роль начальника ОВД.

То, что в служебном ареале беспощадного к врагам правопорядка Пылесоса внезапно нарисовался криминальный труп, да еще с каким-то нехорошим душком, было делом

необычным. А то, что высокое начальство на этот раз не полагалось полностью на рвение и профессиональное чутье Пылесоса, срывало, вопреки логике и здравому смыслу, Колосова с уже почти завершенной операции и бросало в район «на усиление», — было необычным втройне.

Скупые подробности обнаружения трупа Никита узнал еще накануне по телефону от самого Лизунова. То, что на тело буквально наткнулись в процессе мероприятий по поиску жертв несчастного случая, Лизунов сообщил крайне неохотно. Колосов не очень-то и понял сначала, отчего эту поисковую операцию стали вдруг снова проводить спустя месяц после ЧП. Лизунов уклончиво объяснил, что, мол, обнаружена важная улика, которую он как руководитель ОВД просто не мог оставить без внимания.

Ну улика и улика, черт с ней. Никита сейчас неотрывно думал о том, что сидящий в изоляторе бандюга, подозреваемый в тройном убийстве, через пару дней должен быть этапирован в Матросскую тишину, а там организовать с ним квалифицированную агентурную работу будет крайне затруднительно, поэтому разработка его кровь из носу, а должна дать хоть какие-то положительные результаты уже сейчас, а для этого он, Колосов, должен незамедлительно вернуться в главк, потому что...

С Лизуновым они договорились встретиться в десять утра во дворе городского морга при местной центральной районной больнице. Неопознанный труп привезли туда на судеб-

но-медицинскую экспертизу. Однако во дворе морга, куда Колосов, ругаясь на чем свет стоит, подрулил на своей «девятке» с королевской точностью ровно в десять ноль-ноль, его уже ждали не одна, а две машины: старая отделовская «Волга» – Лизунова, а также...

Эту пижонистую тачку Колосов узнал бы из миллиона. Темно-вишневый «мерс» – краса и гордость РУБОПа. На «мерсе» выезжали рубоповцы только на особо значимые дела, специально чтобы пустить пыль в глаза неимущим коллегам из параллельной структуры.

Сейчас на капот «Мерседеса» небрежно облокотилась хорошо известная Колосову личность – начальник спецотдела «А» Геннадий Обухов. Он снисходительно наблюдал, как Никита вылезает из своей пыльной, местами уже битой черной «девятки».

– Салют, – Обухов щурился. – Гляжу, друг ситный, и тебя руководство сюда засандалило.

Обухов – фатально красивый тридцатитрехлетний, загорелый, с легким намеком на склонность к пивной полноте брюнет – в общении с коллегами из параллельной структуры всегда с места в карьер брал неформальный стиль: ситный друг, засандалить, офигительно, я торчу...

Всем в управлении было известно: они с Колосовым друг друга просто не переваривали. Когда судьба сводила их по какому-то делу вместе, получалось мало что хорошего, светлого, приемлемого для подражания в профессиональном

плане. Однако имелись качества, которые оба скрепя сердце довольно высоко ценили друг в друге: Обухов в Колосове – настойчивость и адскую работоспособность. Никита в начальнике спецотдела «А» – архиинформированность, как он сердито ворчал – «всезнайство».

– Ты тут еще зачем? – с ходу, прямо с нелюбезности начал Колосов. – Аркадий, зачем он тут? – обернулся он к Лизунову.

Тот стоял с самым невинным видом: мол, моя хата с краю. Надо отметить, что в чисто мужской уголовно-разыскной стихии Лизунов-Пылесос вел себя совсем не так заносчиво, как три дня назад в обществе Кати.

«Главное не перечить и не сталкивать их лбами» – эти «не» он с самого утра повторял про себя как молитву. Пылесосу нужны были позарез оба – и Колосов, и Обухов. Нужны были для успеха дела, чтобы этот так некстати свалившийся на голову жмурик не стал еще одним висяком и не испортил бы полугодовую отчетность, весьма и весьма приличную по сравнению с Москвой и другими районами.

– Потихе, потихе, раскудахтался, – Обухов снисходительно потрепал Колосова по плечу. – Кому из нас, друг ситный, бесславно делать отсюда ноги, это мы еще поглядим. Дело-то, кажется, наше, и дело, сдается мне, в шляпе. В моей, Никита. – И тут он тоже обернулся к Лизунову и подмигнул, словно жулик-футболист во время матча подкупленно-му судьё.

Лизунов сразу же весь остро обратился в слух. Дело в том, что прямо на месте неопознанный труп был отдактилоскопирован. И по результатам дактилоскопии сразу же были запрошены банки данных как уголовного розыска, так и РУБОПа. И вот, если, конечно, Генка Обухов не валяет ваньку и не набивает себе цену, то значит...

— Друзья мои, я вас приглашаю обоих... туда. — Лизунов гостеприимно ткнул в сторону морга. — Там нас уже патологоанатом заждался, и вообще... Никит, сигареты есть? А то я свои в машине оставил. Спасибо... Гена, дай-ка огоньку.

В анатомическом зале, заново отремонтированном и оборудованном, работал новый японский кондиционер. У Колосова сразу же заledenела спина — климат был как в Арктике. За все годы работы в розыске японский кондишн в провинциальном морге он видел впервые. Это была крошечная деталь, но и она уже свидетельствовала о том, что Спас-Испольск действительно разительно отличается от других районов области, которые по долгу службы он изъездил вдоль и поперек.

Труп сиротливо лежал на оцинкованном столе. Труп как труп — синий голый мужик, густо обросший черной растительностью в интимных местах. На шее поблескивала массивная золотая цепочка, испачканная спереди чем-то бурым.

— Ну, прошу к нашему шалашу, — Обухов кивнул Колосову. — Давай начинай ликбез. Ты ж у нас дедуктивная звезда в своем роде. Начинай. Или что, сначала оациями разразим-

ся?

Никита только глянул на него: не хватало тут еще кривляться друг перед другом, состязаясь в...

Но чисто из спортивного интереса он просто не мог не принять вызова от параллельной структуры.

– Ну что ж, перед нами потерпевший – мужчина возраста примерно 35–40 лет, нормального телосложения, славянской внешности, рост около 175 см, с довольно слабо развитой мускулатурой, склонный к ожирению. – Колосов наклонился над трупом, ощупал окоченевшее лицо, приподнял верхнюю губу. – На верхней челюсти справа новые золотые коронки, волосы темные, натуральные, неокрашенные, недавно побывал в парикмахерской. Из имеющихся на теле видимых повреждений... – тут он покосился на стоящего напротив патологоанатома, – на шее слева колото-резаная рана длиной около трех сантиметров, причиненная холодным оружием в виде ножа, стилета или кинжала. Вторая колото-резаная рана аналогичного вида в левой половине грудной клетки в области сердца. На внешней стороне правого бедра потерпевшего – кровоподтек диаметром около восьми сантиметров, аналогичный ему кровоподтек круглой формы на брюшной полости. Из особых примет, – он поднял негнущуюся руку трупа, – родинка-папиллома над правым соском, на левом предплечье наколка-аббревиатура: «М.И.Р.» – возможно, «Меня исправит расстрел».

– Я добавлю, что причиной смерти явилось проникаю-

щее ранение в область сердца с повреждением левого желудочка. Первая же ножевая рана, нанесенная потерпевшему в область сонной артерии, тоже вполне могла стать причиной смерти, если бы второго удара не последовало. Давность наступления смерти – около двух с половиной суток, – лаконично подытожил патологоанатом. – Он был убит где-то между полуночью и тремя часами.

– Недурно, – промурлыкал Обухов. – Вполне исчерпывающая информация, а? – Он обворожительно улыбнулся Лизунову, патологоанатому и Колосову. – Вот что значит быть отличником боевой и политической, пардон, учебной подготовки. – Он брезгливо осмотрел труп. – Ну а теперь разрешите дополнить и мне. Дата рождения потерпевшего 22 мая 1958 года, место рождения – город Тула, образование среднетехническое, судимости – увы, ни одной, однако трижды привлекался к уголовной ответственности, находясь во время следствия под арестом, в 1995, 1996 и 1998 годах, статьи рэкет и вымогательство. Однако все три раза уголовное преследование прекращалось за недостаточностью улик. Прописан по адресу: Павловский Посад, улица Ленина, 17, но фактически в последнее время проживал: Москва, гостиничный комплекс «Заря», номера 346, 394 и 395. Официальное место работы – старший референт указанного гостиничного комплекса, старший референт службы безопасности. По официальному месту работы числился и получал зарплату, с которой и платил вполне легально налог. Имел еще несколь-

ко неофициальных источников дохода, с которых, естественно (дурачок он, что ли?), налогов не платил. Последний раз попал в поле зрения регионального управления по борьбе с организованной преступностью в июле прошлого года в связи с его причастностью к деятельности организованной преступной группировки Баюнова-Полторанина.

– Фамилия потерпевшего? – спросил Лизунов тихо, восхищенно, подавленно.

– Клыкков Петр Анатольевич, – Обухов произнес это тоном дешевого ярмарочного фокусника. – Ласты склеил, Петя, ну земля тебе пухом, бедняжка.

– Вот что значит мощная, исчерпывающе подробная картотека, – завистливо сказал Лизунов. – То-то мы смотрим, не местный, не живет здесь. Своих-то, кто под Витьку Баюна прогнулся, мы всех как облупленных знаем.

– Внутриутробная разборка, – констатировал Обухов безапелляционным тоном. – Они привезли его туда на машине, прирезали как барана и сбросили с моста. Эти кровоподтеки на ноге и животе как раз и могли появиться при падении с высоты. – Он лучезарно улыбнулся судмедэксперту, словно приглашая его в сообщники.

Глава 9

ОБРЫВКИ

По вымощенной плиткой садовой дорожке шустро катил игрушечный миникар. Пыхтя и библикая при каждом удачном повороте, его руль самозабвенно крутил белобрысый пятилетний мальчуган. Впереди игрушечной машины, медленно пятясь, шел высокий охранник в черной униформе с серебряными нашивками – отличительными знаками службы безопасности Центра отдыха и развлечений «Сосновый бор».

И малыш и охранник находились в южной части паркового комплекса, где на специально отведенной и особо охраняемой, огороженной территории были выстроены бунгало класса люкс для тех отдыхающих, кто имел средства снимать в «Сосновом бору» не отдельные номера, а целые многокомнатные коттеджи с обслуживанием и охраной.

Здание бунгало виднелось за куртинами сирени: двухэтажный просторный дом с черепичной крышей, камином, кирпичной верандой, спутниковой антенной, зеркальным бельэтажем и выложенным итальянским мрамором бассейном с подогревом.

На веранде за накрытым к завтраку столом сидели мужчина лет сорока пяти – плотный, смуглый, уже начинающий

сесть – и женщина за семьдесят, но подтянутая, спортивная, с крашеными черными волосами, собранными на затылке в пучок. Она наливала чай из белого фарфорового чайника, добавляя себе по вкусу в чашку сахар и молоко.

– Пожалуйста, позови его. Достаточно порезвился, как бы не переутомился, – сказала она негромко, тревожно следя взглядом за ребенком.

Мужчина отложил в сторону газету, которую лениво просматривал. Угрюмое лицо его просветлело – он тоже теперь следил за ребенком.

– Эй, штурман, а не пора ли заворачивать в гараж? – крикнул он весело, хриловато. – Не пора подзаправиться?

Мальчик круто развернул машину, с ходу въехав в клумбу огненно-желтых настурций, выскочил из кабины, увернулся от рук охранника, который сделал вид, что хочет поймать его. Подскакивая на ходу, вприпрыжку, мальчик по дорожке обогнул бассейн, взмыл по ступенькам и с разбега прыгнул прямо в руки мужчины.

– Не устал, командир? – спросил тот, бережно обнимая щуплое детское тельце.

– Не-а, – мальчишка зарылся лицом в отцовскую шею. – А купаться после завтрака будем?

– Когда солнце посильнее согреет воду. Ну-ка, за стол марш! Пора завтракать, – строго и нежно сказала пожилая женщина.

– Не хочу я завтракать, ба! – Голосок у мальчишки был

задорный и писклявый.

– Надо, штурман. – Мужчина, как куклу, обнес его вокруг стола и усадил на стул. – Что доктор сказал, помнишь? Надо кушать, если хочешь быть здоровым, сильным, как Арнольд Шварценеггер, и никогда больше не болеть.

– Я не болею, я здоров. – Мальчик окинул глазами стол и потянулся за сдобной булочкой.

Охранник тем временем поднял игрушечную машину и отнес ее куда-то за кусты сирени. Через минуту он снова появился на дорожке, приблизился к веранде:

– Виктор Палыч, там с главного входа передали: некто по фамилии Груэр приехал, говорит, к вам вроде бы, – произнес он. – Пропустить?

– Пропустите. Пусть проводят его в дом. Скажите, мы будем через четверть часа – только вот мой сын позавтракает.

Мужчина смотрел на ребенка. Тот нехотя ковырял в своей тарелке омлет. Минуту назад оживленный и веселый, теперь за столом малыш как-то сразу сник, поскучнел. Было заметно, насколько он бледен, худ, тщедушен.

– И где ты только опять откопал этого экстрасенса, Виктор? – поморщилась женщина. – Герман Груэр – это у него настоящее имя или псевдоним?

– Псевдоним. У них у всех псевдонимы, мама.

– Ну, типичный шарлатан.

– Вы же отлично знаете, мама, что сказали нам о Шурке нешарлатаны. – Мужчина глянул на сына, быстро отвел гла-

за.

– Но... Впрочем, как знаешь. Только, позволь, я буду присутствовать на сеансе.

– Как пожелаете, мама. – Мужчина отодвинул чашку с недопитым кофе, встал, обогнул стол, склонился над сыном. – Ну что, командир, как дела?

Мальчик поднял голову, глянул на отца.

– Совсем ты у меня ничего не ешь. Плохо себя чувствуешь? Болит что-нибудь?

– Нет. – Мальчик вздохнул, взял отца за руку. – Просто не хочу я. А что, еще один доктор приехал?

– Да. Это очень хороший доктор. Шура, а голова не кружится? Может быть, не стоило столько бегать, а?

– Ничего, нормально. – Мальчик сполз со стула. – А он не заберет меня снова в больницу?

– Нет.

– Ты и в прошлый раз так говорил, а меня забрали.

– В прошлый раз так нужно было. А сейчас... – Мужчина обнял ребенка, поднял его, легко, как перышко, подкинул и усадил к себе на плечо. – Никто тебя от нас не заберет. Обещаю. Мама, позвоните в главный корпус администратору, скажите, пусть Груэру предоставят номер. Я все оплачу, – сказал он женщине и обернулся к сыну: – Ну что, айда? Как ракета на Марс стартует? Время пошло, внимание...

В эту секунду зазвонил мобильный телефон, лежавший на столе рядом с чайным прибором. Мужчина мгновение коле-

бался – отвечать на звонок или нет. Потом взял телефон.

– Да, алло.

– Слушай, Баюн, такое дело... – В трубке раздался низкий осторожный мужской голос. – Они его нашли.

– Подожди секунду. – Мужчина осторожно спустил на землю ребенка. – Где? – спросил он в трубку.

– На дороге возле Александровки, точнее, за ней, под мостом. Мне человек верный в больнице сказал: сейчас вскрытие идет.

– Узнай, как он умер, и сообщи. – Мужчина смотрел на белоснежную скатерть стола. – Позвонишь мне после двенадцати, сейчас я занят.

– Понял. А что ребятам сказать?

– Ничего пока.

– Баюн, они того... Разговоры тут разные ненужные уже пошли... Он ведь, ты знаешь, авторитетом пользовался. Некоторые говорят, ты просто погорячился, и зря, потому что...

– Наплевать на их болтовню. Я сказал, я занят! Позвонишь мне после двенадцати. Все.

Мужчина со злостью отключил мобильный, швырнул его на плетеное кресло. Встретился взглядом с женщиной. Она отвела глаза, вздохнула. Он наклонился к сыну, потрепал его по льянному затылку и за руку повел в дом.

— Знаешь, а мы все здесь чего-то такого ждали. — Варвара Краснова, присев перед стеллажом у сейфа, искала бланки для допросов.

Очередной свидетель запаздывал. И они с Катей, пользуясь минутой, продолжали обсуждать вчерашние события.

После спонтанного знакомства с Антоном Новосельским Катя вернулась в отдел. Вкратце изложила Красновой новости, затем отправилась в экспертное отделение. Вечером дома у Красновой они снова и снова возвращались к происшедшему. Гадали, кем же мог быть убитый. Варя достала из сумки новенький ключ, сказав, что это для Кати:

— У нас с тобой график работы разный, золотце. Это я с девяти до шести в кабинете парюсь. А ты — волчок, которого ноги кормят. Командировочный волчок, вольная птичка. Так что со вторым ключом и тебе и мне удобнее будет.

Вечером же Катя наконец встретилась с Вариной дочкой Катей Маленькой, вернувшейся от бабушки. Первый же заданный вопрос был: когда снова в зоопарк? Второй: а когда приедет дядя Вадик?

Катя ответила ребенку максимально правдиво: в зоопарк — когда пожелаешь, только мигни. А насчет Вадика...

Ненаглядному мужу и господину Вадиму Кравченко уже сообщили через турфирму телефоны, по которым он мог

разыскать жену (телефоны отдела и квартиры Красновой). Но Кравченко до сих пор не звонил. Не звонил и Мещерский, что было весьма удивительно. На душе у Кати скребли кошки.

– Ты хочешь сказать: после исчезновения ребят вы все здесь в отделе ждали... убийства? – Катя, чтобы не сидеть сложа руки и чем-то помочь приятельнице, старательно составляла опись в пухлом уголовном деле.

– Не то чтобы наверняка ждали именно убийства, но... Знаешь, когда стало ясно, что среди пропавших дочь Островских... Ведь сначала здесь никто не удивился тому, что этим делом плотно занимался РУБОП. Это потом уже, когда «Жигули» нашли, заговорили насчет каменоломен, а в первое время...

Катя внимательно слушала Краснову: та сейчас сама себе противоречила. Еще сутки назад она говорила: это трагический несчастный случай.

«Типично женский подход к фактам», – подумала Катя, а вслух спросила:

– Этот ваш Кероян ничего мне толком не рассказал о пропавших – кто они, из каких семей. Только назвал их фамилии. Ну честно, Варечка, ты о ком-нибудь из них что-нибудь знаешь?

– Когда ты сюда ехала, еврокомплекс видела у реки? Это «Сосновый бор». Комплекс отдыха и развлечений ВИП. Уже два года как открылся. – Варя вздохнула. – Загородный отель

пять звезд. Стандартный номер, говорят, бог знает сколько стоит. А есть и президентские люксы, и отдельные коттеджи. Все это можно снять хоть на целое лето. Яхт-клуб, рестораны, бар, боулинг, конные прогулки, два бассейна – уже в центре развлечений при комплексе. Можно пользоваться всем этим за плату, даже не проживая в отеле. Только плата довольно высокая. Есть там и фитнес-клуб. Зверски дорогой, мне не по карману. Я в городской хожу при нашем стадионе. А к чему я все тебе рассказываю... Отец Веры Островских – один из совладельцев «Соснового бора». Он наш, здешний. Насколько я знаю, долго работал сначала в горкоме, потом в райисполкоме, это давно, еще до перестройки. Партийно-хозяйственная номенклатура. Потом ушел в бизнес, ну и дела пошли. Шесть лет назад начали этот комплекс строить. Это его детище. В городе сразу рабочие места появились. Особенно для молодежи. В Москву наши почти перестали ездить. Там, в комплексе, говорят, весь персонал обслуживающий из местных. Островских даже школу менеджмента гостиничного открыл. У меня приятельница там учится.

– А Кероян мне ничего не сказал! – Катя уже злилась и на оперуполномоченного, и на Варю за компанию. Конспираторы!

– Ты же из управления приехала. Мы думали, там все давно известно.

Катя вздохнула: вот так всегда. В маленьких подмосковных городах считают, что приехавшие из Москвы знают все

досконально о местных знаменитостях.

– Островских, значит, и живет тут у вас в городе? – спросила она, стараясь ничем не выдать своего раздражения.

– Да. И довольно давно, я же говорю – он что-то вроде здешнего непотопляемого авианосца. При всякой власти на плаву. Одновременно с «Сосновым бором» он себе дом построил загородный. Говорят, у него и в Москве несколько квартир, в последнее время он в столице больше жил. Ну и понятно, когда единственная дочь такого человека бесследно исчезает, то...

– Но вместе с этой Верой Островских пропали еще двое – Славин и Коровина Мария.

– О парне ничего не знаю. С Коровиной лично я не встречалась, но... – Краснова порылась в сумочке, достала пластиковую карточку. – Это пропуск в наш фитнес-клуб. После несчастного случая девчонки, с которыми я в группе шейпинга, говорили, что Коровина зимой клуб тоже посещала, занималась у Заварзиной Оксаны. Можешь ее разыскать, если она, конечно, не в отпуске. Только зануда она страшная. Кичится тем, что бывшая балерина, а сама дура набитая. Я у нее из группы через три занятия деру дала.

* * *

...По дороге на городской стадион Катя размышляла о том, насколько экстремальные обстоятельства изменяют от-

ношение людей к целому ряду событий и фактов. Пример яркий и наглядный – Варвара. Об исчезнувших ей было все же кое-что известно. Но, решив про себя, что это несчастный случай, она даже не потрудилась ничего вспомнить. И вот потребовалось новое ЧП, да какое – убийство! – чтобы у дражайшей Варечки развязался язык.

«А разве убийство этого неизвестного и исчезновение ребят как-то связаны? Стоп! – Катя сама себя резко оборвала. – Конечно, не связаны. Мало ли что могло здесь еще произойти. Нельзя же все валить в одну кучу и...»

«Знаешь, мы все здесь чего-то такого ждали», – вспомнила она Варино туманное замечание и снова ощутила смутное беспокойство. Ей показалось: она тщетно пытается поймать какие-то призрачные обрывки, соединить несоединимое... Пока несоединимое...

Катя остановилась, огляделась: парк имени Чернышевского (как везде в провинции, здесь любили пышные литературные имена) примыкал к городскому стадиону «Звезда». Она стояла посреди центральной аллеи. Подошла к скамейке, села.

Итак, обрывки... Что же она узнала о событиях в Спас-Испольске за эти дни? Катя с усталым любопытством наблюдала, как у ее ног суеются, чирикают воробьи, косятся, не даст ли чего эта особа, так энергично спешившая куда-то по аллее и вдруг впавшая в неожиданное оцепенение на парковой скамейке?

Обрывки... Чего-то... Чего только? Впечатления от дней, проведенных здесь. Какие же они, эти первые впечатления? Катя закрыла глаза. Увидела: милиционеры, сгрудившиеся над тесной ямой на поле за бензоколонкой, пожарное ведро, до краев полное глинистой воды, – затопленный вход в каменоломни, и другой вход – под корнями поваленной ели, откуда с такими усилиями выбирались спелеологи. Залитые кровью (чьей? Славина?) клочья рубашки, покрытое бисеринками пота, измазанное глиной лицо Гордеевой. («Боже, как же я ее там не узнала? – Катя почувствовала, как сердце ее чуть не подпрыгнуло в груди. – Ведь это же она, она там лежала на поляне голая, слушала музыку, загорала. Она швырнула венок. Как же я ее не узнала?») Напряженное, настороженное лицо Новосельского, когда он пытался выудить у «заезжей корреспондентки» информацию, тот отвратительный пластмассовый паук над барной стойкой «Пчелы», безжизненное тело мертвого незнакомца под мостом.

«У него две глубокие, проникающие ножевые раны – в горло и в грудь», – Катя снова слышала голос эксперта и негромкий меланхоличный голос Керояна: «Это не Славин»... и... Словно из какого-то тумана выплыло лицо другого незнакомца – того мужчины, приехавшего на джипе в лагерь спасателей. Лицо живое, но тоже странно безжизненное – застывшая маска отчаяния и фанатичной надежды. Надежды черной, без единого проблеска солнца, как тот подземный мрак в глубине входа в Съяны.

«А ведь это и был Островских, — осенило Катю. — Я видела его у спасателей. И в отдел он перед этим заезжал, видимо, справлялся, нет ли новостей. Он уже не надеется, что их найдут живыми. Он хочет отыскать тело дочери, чтобы похоронить. Вот и Новосельский на это же намекал. Но ведь они уже похоронены. Раз они там, под землей, они уже ей преданы».

Катя спугнула воробьев. Встала. Через пять минут она уже входила в пустой, гулкий вестибюль административного корпуса стадиона «Звезда». Охраннику она сунула под нос удостоверение редакции «Подмосковного вестника». Предприятие могло провалиться с самого начала, если бы некая «зануда» Заварзина оказалась по случаю лета в отпуске, но...

Тоненькая как былинка, смахивающая одновременно на стрекозу и муравья девушка ангельского вида, одетая в темно-синее спортивное трико и газовую юбочку, столкнулась с Катей в дверях небольшого спортзала у секции тренажеров. Белобрысое, гладко причесанное, хрупкое, кроткое и малокровное создание явно из балетных, в обществе которого Катя сразу же ощутила себя громоздкой, как Девушка с веслом.

— Оксану Заварзину где я могу увидеть, простите?

— Это я. Вы на запись в группу?

— Нет.

Балетное создание сразу же равнодушно повернулось к Кате спиной. Катя увидела себя отраженной в сплошном зеркале, закрывающем стену спортзала.

– Я не по поводу аэробики к вам, а совсем по другому делу.

– По какому? Вы кто? – Балетное создание проявило слабый интерес.

Катя показала удостоверение редакции «Подмосковного вестника».

Нежная, сладкая улыбка сразу же засияла на лице Заварзиной. Она снова стала сама любезность.

– Вы хотите о нас написать?

– Да. Готовлю статью о центрах молодежного досуга в Подмосковьи. – Катя гнала светло и правдиво. Она в который раз убеждалась, как срабатывает старое правило: люди – сначала сама черствость и нелюбезность – при слове «пресса» становятся донельзя словоохотливыми и общительными.

– Вы давно здесь преподаете, Оксана?

– Больше четырех лет. Очень, очень люблю свою работу!

– Раньше, наверное, спортом профессионально занимались?

– В детстве была художественной гимнасткой. Потом поступила в балетно-хореографическое училище.

– У вас в группе много женщин занимается?

– Обычно пятнадцать-двадцать человек. Да вы присаживайтесь, – Заварзина гостеприимно указала на деревянную скамью у зеркала. – Сейчас, правда, лето, не сезон, все разъехались. Зимой будет наплыв желающих позаниматься, обрести нужную форму.

– Тут у вас, я слышала, есть еще один фитнес-центр. В «Сосновом бору».

– Там жуткие цены. Грабительство сплошное.

– Да, я понимаю, у вас все гораздо доступнее, – Катя одобрительно закивала. – Ну и кто же ваши ученики? Возраст какой?

– Самый разный: и молодежь, и средний возраст, и даже дамы за пятьдесят, кто форму хочет приличную сохранить. До гроба.

Катя усмехнулась.

– Но молодежи все же больше?

– Ну конечно, – Заварзина тоже улыбнулась, пристально следя, как Катя старательно конспектирует ее слова в своем блокноте. – А фотографии будут делать?

– Из редакции приедет фотограф. Вы мне дадите свои координаты, чтобы он мог с вами созвониться, когда вам это было бы удобно? Знаете, – осторожно продолжила Катя, – ведь вашим клубом у нас в редакции уже интересовались.

– Неужели? Но к нам никто не приезжал от вас, вы первая. А в связи с чем же?

– У вас в городе ребята пропали месяц назад на майские праздники. Так вот, говорили, что одна из пропавших, некая Мария Коровина, занималась в вашей группе. Я вот только забыла – шейпингом или аэробикой?

Заварзина плавно поднялась, кошачьим шагом направилась к зеркалу, повернулась, приняла картинно-грациозную

позу.

– Что же вы молчите, Оксана? – терпеливо спросила Катя. – Ведь это так?

– Когда будет опубликована статья?

– Недели через две-три. «Подмосковный вестник» выходит по субботам.

– А какие гарантии, что ты тиснешь положительную статью о нашем клубе с упоминанием моей фамилии? – В головке балетного создания тускло звякнул медный колокольчик.

«Зануда», – мысленно согласилась с Красновой Катя.

– Гарантии? Вот телефон редакции, главного редактора, ответсека. Обещаю тебе статью. – Катя усмехнулась: боже, как быстро в этом городке все переходят на «ты». – Похвалю тебя и твой танцкласс. Ну а если статья не выйдет, позволишь редактору, закатаешь скандал.

– А он меня пошлет куда подальше. Знаю я вас, журналюг. – Заварзина колебалась. Но, видимо, наладить контакты с прессой очень хотелось, тщеславие пересиливало. – Ну ладно, может, хоть в связи с Машкой Коровиной упомянешь наше заведение. Так что тебе о ней узнать нужно?

– Как долго Коровина у тебя занималась?

– С января по конец марта, а взяла полугодовой абонемент.

– А где она работала?

– В «Сосновом бору». Кем, не знаю, но получала неплохо,

в долларах. Как валютная шлюха.

– То есть?

Заварзина прищурилась.

– Вот так сорвется с языка, а ты и напишешь потом с подлинными цитатами. А у нас городок с ноготок. Родственнички Машкины по судам затаскают. Ладно, это я так, к слову.

– Но в «Сосновом бору» свой фитнес-центр.

– Персоналу соваться во все их развлекательные, оздоровительные заведения строго запрещено. К тому же у нас дешевле. И вообще, сдается мне, она нам и этих бабок не платила. Быковский ей за пять пальцев на ладони абонемент устроил.

– Кто такой Быковский?

– Наш администратор. Только о нем не смей! Иначе я места лишусь. – Балетное создание не на шутку встревожилось. Видно было, что в пылу женского задора она выболтала нечто такое, чего никак нельзя говорить, тем более журналисту.

– Хорошо, о нем не упомяну, – покладисто согласилась Катя. – Но если прояснишь, что между ними было.

– Что было? Спали они. Как же еще, если он ей абонемент оплатил?

– А со Славиным она... Знаешь Славина, то есть знала?

– Андрюшечку-кассира? В одной школе учились, – Заварзина усмехнулась. – Он в финансовом учился, в одной электричке в Москву четыре года мотались. А потом он в банк

пролез. Устроили его ради мамочкиной памяти. Нет, Андрюшечку я тут ни разу с Буренкой Мэри не встречала. Бык был, что греха таить? Андрюшечки не было.

Катя опустила глаза. В тихом, нежном и певучем тоне Заварзиной змеилась такая ядовитая злоба, что Кате стало не по себе.

– А что, Коровина красивая была, да? – спросила она напрямик.

– Кто?!

– Буренка Мэри.

– Ноги из ушей. Стилизовалась всюю под Мэрилин. Красилась нещадно.

– Ясно. О том, что с ней произошло, у тебя лично никаких соображений?

– Какие это могут быть у меня соображения?

– В вашей «Пчеле» наркоту достать можно?

– Она такая же моя, как и твоя... Все можно. Только плати Быку зеленые.

– То есть? Быковский же, ты говоришь, здешний администратор.

– И здешний, и тамошний... Он у нас на все руки бизнес крутит. Секция восточных единоборств здесь у нас, сауна-люкс, «Пчела» на Садовой, бар на шоссе у гольф-клуба.

– Может быть, они жили с ним вместе? Квартиру снимали?

– Нет, насколько я знаю, вместе они не жили. Коровина

дома жила с матерью и Лялькой, сестрой. Могла по своему заработку себе отдельную снять – не снимала. Деньги копила в чулке: на квартиру собственную. Но в принципе тем, кто в «Бору» работает, зачем хатка? Трахаться и так каждую ночь тащат на пятизвездочном матрасе.

– А Вера Островских сюда вместе с ней не приходила?

Заварзина колюче усмехнулась:

– Ну, этой у нас делать просто нечего.

Тон был странным. Тогда Катя решила: Островских – дочь богатого владельца «Соснового бора» – вряд ли станет посетительницей какого-то второразрядного спортклуба, но...

– Как-нибудь адрес Коровиной узнать можно?

– У меня членская карточка ее, кажется, хранится, сейчас гляну... Карточки – это чтобы счет посылать, если клиентки что-то сверх абонеента возьмут.

– А что здесь сверх абонеента?

– Массаж, – весьма двусмысленно ответила Заварзина.

Потом Катя наблюдала, как она роется в столе в своей раздевалке.

– Вот, у меня тут записано: Садовая, 13, квартира 48. Только имей в виду, мать у нее того, вроде помешалась. С горя немножко крыша поехала. Полегче там с ней, а то знаю я вас, как фокстерьеры налетаете.

Катя смотрела на Заварзину. Кто бы говорил... Нет, все же, как Кравченко изрекает: чудные существа – бабы. Коровину готова с грязью смешать, а о ее матери печется...

Этот разговор оставил привкус ржавчины и пыли. Покинув стремглав стены «Звезды», Катя направилась к ближайшему ларьку «Мороженое», где купила две порции вишневого шербета. Заесть, к черту, эту зануду!

Поглощая мороженое, она уходила все дальше и дальше от стадиона и думала о том, как это Варька Краснова сумела вынести такую особу целых три занятия и не сбежала куда глаза глядят с самого первого?

«Нет, странно все же, – размышляла она. – В чем причина такой ее злобы на Коровину? Ведь встречались они вроде бы лишь в клубе на занятиях. Их связывали чисто деловые отношения – тренер и клиентка. Откуда же такой яд? Нет, что-то тут не так».

Однако она и не подозревала, что впереди ее ожидает еще более странный разговор.

Дом, где проживала Коровина, оказался в самом конце Садовой улицы, в квартале от «Пчелы». Облупленная пятиэтажка из серого кирпича. Зеленые пластмассовые балконы, запах кошек на лестнице, полное отсутствие лифта и помятая железная дверь со сломанным кодовым замком.

На скамейке перед подъездом дежурил грустный алкоголик. Катя поинтересовалась, на каком этаже квартира 48. Алкоголик ответил – на последнем – и галантно предложил

«сопроводить». Катя, к которой постепенно начинало возвращаться прежнее бодрое настроение, погрозила ему пальцем.

На пятом этаже было всего две двери и лестница на чердак. Из-за двери под номером 48 доносилась музыка: пел мужской церковный хор.

Катя позвонила. Тихо все, только хор грянул громче, словно прибавили звук в телевизоре или приемнике. Она снова настойчиво позвонила, постучала кулаком в дверь.

Шаги. Замерли, словно там, за дверью, кто-то застыл в нерешительности.

– Откройте, пожалуйста! – Катя снова нажала кнопку звонка.

– Кто там? Что вам нужно? – послышался испуганный женский голос.

– Я... – Катя чуть было не ляпнула про «корреспондентку», но вовремя спохватилась: – Я подруга Машина – Катя. Из Москвы приехала. Вы ее мама?

– Какая еще Катя? – Дверь все же приоткрылась на цепочку. Катю разглядывали. Протоиерейский бас выговаривал речитативом о покаянии и прощении грехов.

– Маша давно мне не звонила, а тут знакомые ребята общили: с ней несчастье, такой ужас. Я сразу приехала, хотела у вас узнать про все. – Катя говорила быстро, не давая женщине опомниться и захлопнуть дверь. – Я Катя. Неужели она вам обо мне не говорила? Мы познакомились в Москве

год назад.

И тут произошло...

— Ну, конечно, Катенька! Проходите, я вспомнила... Она, дочечка моя... Конечно, говорила, я забыла, у меня с памятью что-то. Так вы к ней, к дочечке моей, приехали? А ее нет.

У Кати похолодело сердце. Такой реакции на свою ложь она не ожидала. Голос Коровиной-старшей дрожал. В крохотной прихожей было темно, она пока еще не видела ее лица. А пахло чем-то тяжелым, приторным. Катя только позже сообразила, что это ладан. Из комнаты лилось церковное пение.

— Проходите. — Женщина захлопнула дверь и подтолкнула Катю в комнату. В это время дверь другой комнаты открылась. На пороге стояла девочка лет двенадцати. Катя вспомнила: она уже видела эту девочку однажды. Та внимательно оглядела Катю, тяжело вздохнула, отступила в глубь комнаты и закрыла дверь.

— Извините, как ваше имя-отчество? — спросила Катя.

— Марина Брониславовна, — женщина обернулась. И Катя ее узнала. Та самая, что приезжала на джипе к спелеологам вместе с Островских и еще какой-то женщиной. Катя узнала и эти жидкие, крашенные перекисью волосы, изможденное лицо с запавшими заплаканными глазами.

— Так вы помните ее? Горюете о ней, дочечке моей? Скучаете?

Катя вздрогнула — полный отчаяния и... любопытства во-

прос.

– Да, я потрясена... Это ужас, что с ней, с ними случилось. Ребята сказали, они заблудились в каменоломнях. Я подумала, может быть, надо чем-то помочь? Найти?

– Ее уже никто, никто не ищет.

– Нет, что вы, их ищут, – возразила Катя. – Поиски в каменоломнях ведутся, меня ребята знакомые на место возили. Там спасатели работают... – И тут Катя увидела источник церковных песнопений – старый кассетный магнитофон на подоконнике за шторой. А на полу, прилепленная прямо на паркет, стояла толстая восковая свеча, наполовину уже оплавившаяся.

Точно такую же свечу она увидела и на круглом обеденном столе, стоявшем в центре комнаты. На нем в полном беспорядке лежали книги, какие-то квитанции, ворох фотографий. Тут магнитофон умолк, видимо, закончилась кассета.

– Марина Брониславовна, могу я чем-нибудь вам помочь? – спросила Катя.

Женщина оперлась на стол и зарыдала. Плечи ее тряслись.

– Дочечка моя ненаглядная, – сквозь всхлипы доносилось до Кати. – Дочечка, что же они с тобой сделали...

Катя в душе проклинала себя за этот обман.

– Очень, очень жаль Машу, – искренне сказала она. – Такая была веселая, красивая, такая хорошая подруга. Мы редко виделись в последнее время, только когда она в Москву приезжала...

– Тут у меня есть ее московские фотографии, – Коровина лихорадочно начала рыться в снимках. – Она любила сниматься. Вот они на Красной площади, а вот на Манеже у фонтанов новых. Тут вас целая компания. Все молодые... Да вот и вы рядом с ней тут. Конечно, вы, как же это я вас сразу не узнала? Катя из Москвы, ну конечно же!

«Паранойя», – Катя смотрела на снимок, который Коровина тыкала ей чуть ли не под нос. У гостиницы «Москва» была действительно снята целая группа ребят и девушек. В центре – высокая длинноногая блондинка в красном сарафанчике-мини, с пышными светлыми волосами, кукольно облагороженными воздушной американской химией.

Коровина указывала в группу девушек на заднем плане, на какую-то шатенку, абсолютно непохожую на Катю, повторяя: «Ну, конечно же, как я могла забыть? Подружка из Москвы?» На обороте снимка крупным округлым почерком было выведено: «Мои любимые французики».

– Да, точно, это я, – Катя старалась не смотреть на Коровину. – Это мы снялись сразу после...

– Как экзамен последний на курсах французского сдали. С каким удовольствием она, дочечка моя, языком занималась. Иногда допоздна в Москве задерживалась, я уж на станцию ходила встречать. А когда Андрюша на машине ее забирал.

– Славин? Андрей? Она нас знакомила, – Катя скорбно закивала. – Он ведь вместе с ней...

Тут Коровина снова зарыдала. Катя в ожидании, пока

несчастливая женщина немного успокоится, начала перебирать фотографии.

Мария, Маша, видимо, действительно любила сниматься. И все это были цветные фотографии последних лет. Вот полутемный зал ресторана – танцпол. И Коровина в узком облегающем черном платье в обнимку с каким-то приземистым, похожим на боксера парнем. Снимки дикого отдыха в Геленджике: стайка голенастой загорелой молодежи на пирсе. И Коровина в белом купальнике-бикини снова в центре. Подмосковный берег реки на фоне соснового бора: рыбалка, шашлыки. Коровина и высокий, смуглый, коротко стриженный парень в тельняшке, показавшийся Кате смутно знакомым. Он обнимал девушку, и она прижималась к нему, смотря снизу вверх сияющими, радостными глазами.

Катя смотрела на снимок. Буренка Мэри... Да отсохнет змеиный язык той фитнес-клубной зануды! Нет, Коровина была очень, очень милой, почти красавицей. И в красоте ее не было и тени вульгарности или вызова, как сначала представлялось Кате.

– Марина Брониславовна, а на этом снимке кто рядом с Машей?

Катя хотела спросить про парня, показавшегося ей знакомым, но вдруг...

Это был еще один цветной снимок: две девушки в обнимку на роскошном белом кожаном диване. На столике из темного стекла перед ними бутылка дорогого итальянского шам-

панского и три бокала.

Одна из девушек была Коровина, растрепанная, хохочущая, счастливая, в джинсах и белой футболке с оранжевым солнцем. Вторая же... Таких юных толстух было поискать. Девушка рядом с Коровиной – коротко подстриженная кудрявая брюнетка в стильных квадратных очочках в черной оправе – была чудовищно толстой: грудь, живот, ляжки были налиты жиром, лицо утяжелял второй подбородок и румяные пухлые щеки. Однако в этом не было ничего безобразного, отталкивающего, наоборот, что-то детское. Девушка напоминала пухлого, перекормленного ребенка. На ней были черные брюки, видимо, очень большого размера, и широченная черная футболка. Она обнимала льнувшую к ней Коровину за плечи, а другой рукой демонстрировала кому-то жест «виктори» – два поднятых рожками пальца.

– Это кто же такая? Машина подруга? – спросила Катя, разглядывая толстушку.

Коровина-старшая глянула на фотографию, лицо ее искажилось:

– Она, все она, эта бесовка... Верка... Гадина проклятая... И всегда гадиной была, вон ее как жабу раздуло... Отец-то пылинки с нее, чертовки, сдувал, а ей все мало, лишь бы жрать... Говорила я Машке, предупреждала, не пара она тебе, нечего с такой дружбу водить. Кто они и кто мы? Используют тебя да выкинут потом, как тряпку. Так нет, моя все за Веркой тянулась. Все хотелось ей туда, к ним... И ма-

чеха Лариса ей еще тоже голову кружила. Я Машке сколько раз твердила: отойди, не лезь, это их семейное дело, семейное! Не вмешивайся, ради бога... Так нет, она только Верке в рот смотрела, как проклятая за ней...

– Так это и есть Вера Островских? – тихо спросила Катя.

Коровина поперхнулась проклятиями, выхватила у нее снимок, швырнула на стол.

– Нечего на эту бесовку глядеть!

– Почему же бесовку? – еще тише спросила Катя.

– Потому что туда, к ним, к бесам, в подземелье все таскалась. Вот и дотаскалась – уволокли с потрохами жабу. Только, – тут Коровина снова всхлипнула, – и дочечку мою... Господи, как же ты такое позволил, как допустил?

– К каким бесам в подземелье? – настойчиво спросила Катя. – К каким еще бесам?

Коровина вздрогнула. Пристально посмотрела на нее.

– А ты кто? – спросила она с содроганием, словно увидела что-то. – Ты кто такая? Что, подслана ко мне? Ими подслана? Отвечай! Дочь забрали и меня хотите? Не получится, не выйдет! – Она метнулась к магнитофону, отдернула штору, почти оборвала ее, затолкала кассету. Снова истоиво грянул церковный хор. Коровина неумело, слева направо, осенила себя крестом, не спуская с Кати испуганного взгляда. Видимо, более не узнавая в ней подруги своей дочери.

Тут кто-то дернул Катю за рукав. В комнату неслышно вошла девочка, младшая сестра Марии Коровиной.

– Уходите, – сказала она. – Пожалуйста, уходите.

Они вышли в прихожую. Девочка плотно прикрыла дверь комнаты. Оттуда доносились всхлипы, рыдания и хор, хор.

– Маме твоей нужен врач, – сказала Катя. Запнулась. Коровиной-старшей нужна была не «Скорая», а неотложная психиатрическая помощь.

– Ничего, это скоро пройдет, – девочка прислушалась. – Она таблетки пьет, ей тетя Лариса дала. Скоро успокоится, потом уснет.

– Кто это тетя Лариса?

– Веркина мама. Новая.

– Как это новая?

– Неродная. Они все вместе Машу и Верку ищут: мама, тетя Лариса, дядя Олег. Они сказали: пока не найдут, не успокоятся.

– А что это мама твоя все о каких-то бесах твердит?

– Потому что они там, под землей, – девочка глянула на Катю. – А ты ведь не Катя из Москвы. Зачем маму обманула? Я тебя у Шведа в лагере видела. Ты спасательница?

– Я? Пожалуй, да. – Катя кивнула: боже, прости мне и эту ложь. – Я из отряда Гордеевой. Мне просто нужно было поговорить с твоей мамой. А ты и Шведа, оказывается, знаешь?

– Так он же с Машкой год гулял, жениться хотел. А если ты из отряда, что же тогда про беса не знаешь? Швед не рассказывал?

– Нет. – Катя смотрела на ребенка, ища в этих ясных гла-

зах признаки наследственного безумия.

– И даже про Луноликую? – тихо спросила девочка.

– Нет.

Перед Катей широко распахнули дверь.

– Ты лжешь. Он рассказывал. Он всем рассказывает. Ты просто боишься. Как мама.

Дверь захлопнулась. Звякнула цепочка. Катя медленно спустилась на один лестничный пролет. Посмотрела в пыльное окно. Ей вдруг нестерпимо захотелось туда, во двор, под солнце. Прочь из этого скорбного дома.

Глава 10

ПОД МОСТОМ

Все смешалось в доме Облонских: после заявления Обухова смешалось все. Лизунов, более не устаивая тело, распростертое на анатомическом столе, вниманием, направился в кабинет судмедэксперта, чтобы немедленно позвонить в отдел, сообщить следственно-оперативной группе, работающей по убийству, результаты опознания, дать неотложные ЦУ. Обухов вышел во двор морга курить. Колосов тоже было повернул к выходу, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.